

The cover features a stylized illustration. In the foreground, a man with dark hair and a woman with reddish-brown hair are shown in a close embrace. The man is wearing a dark suit and tie, and the woman is wearing a dark, low-cut dress. They are both looking towards the right. In the background, a large, faint, and slightly blurred profile of a man's face is visible, looking towards the left. The overall color palette is dominated by dark blues, greys, and muted reds, with a high-contrast, almost noir-like aesthetic.

ВАРВАРА ОСЬКИНА

БУМЕРАНГИ

часть 1

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Бумеранги

Варвара Оськина
Бумеранги. Часть 1

«Автор»

2022

Оськина В.

Бумеранги. Часть 1 / В. Оськина — «Автор»,
2022 — (Бумеранги)

ISBN 978-5-532-92647-9

Джиллиан О'Конноли пыталась забыть его шесть мучительных лет.
Вытравливала из памяти, выжигала из сердца, чтобы в конце всё же подняться
с ним рука об руку по ступеням Белого Дома. Она знала, что убьёт ради
него. А он? Поговаривают, политика — грязное дело. Джиллиан знала это
наверняка. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-92647-9

© Оськина В., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	6
1	9
2	18
3	23
4	31
5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Варвара Оськина

Бумеранги. Часть 1

Посвящается Миле и Тане.

С благодарностью за труд и любовь к «Бумерангам».

Пролог

12 лет назад

Спрингфилд, столица штата Иллинойс

Это была проклятая богом дыра. От самого первого дома до здания парламента штата, что серым куполом подражал невозмутимому Капитолию. Но боже! Куда этому испещрённому многолетними водными потёками уродцу было тягаться с белым красавцем столицы. Джиллиан выдохнула и посмотрела в окно на затянутое желтоватыми тучами небо. Наверное, ей стоило проявить уважение к родине самого Линкольна, проникнуться небывалым патриотизмом, истинным духом Америки, историей освобождения и прочими, несомненно, благородными вещами. Да... Но ничего не было. Ни грана столь ожидаемого пиетета к культурным мощам демократии. Этот город раздражал. Его отвратительное и наконец-то подошедшее к концу жарко-дождливое лето, глухая провинциальность, небывалый уровень преступности, а теперь осенние ветра, которые сквозили на каждом перекрестье дорог.

Низкорослый, кряжистый Спрингфилд пупком торчал на карте Иллинойса, и оставалось лишь пожелать терпения да удачи тому, кто осмелится добровольно прожить здесь хотя бы четыре положенных сроком года. В этот раз таких самоубийц осталось двое из почти целого десятка кандидатов. Губернаторские праймериз выдались жаркими.

Но всё подходит к концу. Час назад закрылись последние избирательные участки, и ночь уже вовсю бушевала ноябрьскими звёздами, пока в огромном зале на большом экране бежали результаты подсчёта голосов. Равнодушные столбцы будто танцевали столь любимый здесь джаз и то подсказывали в такт лившейся из динамиков музыки, то опадали усталыми нотами. Джил не смотрела туда. Зачем? Она прекрасно знала итог ещё за месяц до выборов, но проигрывать предпочитала достойно – лишь на дюйм опустившись ниже вершины, на которую в этот раз взойшла не она.

– Джиллиан! – гнусавый голос Лероя пролетел через весь холл и заставил находившихся в зале людей отчаянно вертеть головами.

Это тоже бесило. Отсутствие хоть какого-нибудь общественного разнообразия порождало совершенно беспардонное любопытство. Во всех. Кроме одного. Но Джил следовало признать очевидное – стоявший к ней спиной уникум принадлежал совсем к иной породе политиков, если вообще был таковым. Однако думать о сопернике в восторженных красках оказалось слишком тошно для гордости, а потому, поджав губы, Джиллиан О'Конноли нацепила протокольную улыбку.

– Дорогулечка, ну где же ты ходишь? – манерно зачастил розовощёкий, как налившийся персик, Лерой. Его ореховые глазки напоминали две веточки, а покрытая светлым пушком кожа – очаровательный бочок спелого фрукта. Он был молод, бодр, достаточно умён, но невероятно болтлив.

Нет, каждый политик обязан трепать языком, точно заправский стендап-комик, и Лерой отлично подходил на эту роль. Однако в этот раз молчание оказалось громче самых отчаянных лозунгов. Джиллиан бросила быстрый взгляд в сторону высокой тёмной фигуры соперника и хмыкнула. Вот уж кто был не политик, не болтун, но определённо победитель. Он, а не её клиент.

Джим Лерой стал вторым шансом, эдаким спасательным кругом для внезапно утопшей карьеры миссис О'Конноли. Когда перед тобой сначала лежал миллион дорог и сотни возможностей, когда каждая дверь сноба-Конгресса приветливо раскрывалась, стоило лишь зазвучать стуку чудовищных каблуков, то заново очутиться на низшей ступени политической эволюции оказалось больно. Особенно если ты ни разу там не была. Так что, хоть Джиллиан и не соби-

ралась возвращаться к роли политтехнолога, жизнь решила иначе... И теперь больно ударила по гордыне. Потому, развернувшись и нагло проигнорировав своего клиента, Джил скрылась в соседней комнатке. Она никого не хотела видеть.

Джиллиан замерла, а затем устало облокотилась на заставленный грязными чашками и дурацким печеньем стол. Фиаско. Она со всей силы зажмурилась, пока внутри росла волна чего-то чёрного, липкого и совершенно невменяемого. Такого, что необходимо было срочно остановить. Но прошёл миг, а потом комната наполнилась женским визгом и грохотом полетевшей на пол посуды, когда в безумном порыве Джиллиан смела всё со стола. Осколки весело заплясали по полу и забились в выщербленные миллионами подошв щели. Крик же взлетел вверх, где и умер между натяжным потолком да гудящей вентиляционной трубой. Дыхание со свистом вырвалось из сведённых судорогой лёгких, когда левая рука непроизвольно нырнула в карман жакета и сомкнулась на успокаивающе-прохладной пузатой лекарственной упаковке. Чёрт побери!

Ведьма О'Конноли не умела проигрывать. Могла сколько угодно пытаться достойно принять поражение, искать доводы, приводить доказательства, даже защитить парочку диссертаций. Но это всё не отменяло простого факта – её обскакали, обставили, бросили позади и... Господи! Как же она ненавидела это место, этих людей, эту кампанию, Лероя, а ещё Бенджамина Рида – самого удивительного из встреченных ею политиков. Ах, нет. Думать о сопернике столь восторженно было слишком неправильно, опасно и безнадежно. Так что резким движением вытащив телефон, Джиллиан набрала по памяти номер.

– Да, воробушек? – голос на том конце звучал устало, но удивительно тепло.

– Милый, я возвращаюсь домой, – коротко бросила она в наполненный междугородними помехами динамик и повернулась было к двери, но лицом к лицу столкнулась с медным взглядом и своей главной проблемой.

Да уж. Не политик, не болтун, не человек... Феномен.

– Самолёт через три часа, – прошептала заворожённая Джил, не в силах отвести взгляда от узкого лица теперь уже губернатора Рида.

– Встречу тебя.

БУМЕРАНГИ

1

6 лет назад Вашингтон, округ Колумбия

Январь

Умение думать минимум на тридцать шагов вперёд Джиллиан О'Конноли всегда считала своим преимуществом. Успешная дочь успешных родителей с детства знала к каким целям идти, чем руководствоваться и какие тайные тропы ведут быстрее. Каждый день она без оговорок шагала сначала по коридорам одного университета, затем другого, переступала через нерасторопных коллег и спокойно топталась на собственной совести. Возможно, та и отсохла именно потому, что однажды ей передавали жизненно важные корни. Но такая незначительная потеря не волновала миссис О'Конноли, если это помогало добиться успеха.

Впрочем, справедливый мир не интересовал её так же. В семье известных юристов было принято знать о законах гораздо больше, чем написано в Кодексе Соединённых Штатов. Здесь читали между строк, смыслов и даже букв. Родители знали всё о выгодных политических союзах и взятках, умело шантажировали, подкупали, а после учили Джиллиан не обращать внимания на подылавших в тени конкурентов. Её мать понятия не имела, что ела на завтрак дочь, но всегда уверенно заявляла: «Вудстокские принципы»¹ Джиллиан могла зачитать наизусть.

Мир большого индивидуального лобби, куда шесть лет назад вернулась молодая, но подающая надежды звезда губернаторских гонок, захватил Джиллиан полностью. Сложно сказать, был ли то врождённый талант или же отточенное университетской машиной упорство идти напролом. Однако, наплевав на тщательно культивируемую бывшим наставником скандальную репутацию, Джил вновь вошла в цитадель демократии – Вашингтон (тот, что округ Колумбия, а не сорок второй штат у чёрта на кончике хвоста).

Теперь она стучала безумными каблуками в коридорах Конгресса, где показывала чудеса беспрецедентной жестокости. Джиллиан О'Конноли стала чудовищем и с наслаждением вслушивалась в летевшие следом озлобленные шепотки. Вот уже шесть лет она выстраивала карьеру в политическом розарии Конгресса, сознательно лепила из себя ублюдочную мразь и не испытывала обычных для человека сомнений.

Однако, как и каждый уважающий себя лоббист², миссис О'Конноли чётко придерживалась хотя бы нескольких принципов. Они не давали упасть в соблазнительное болото шантажа и наглого подкупа. Джиллиан умно предавала, не убивала и никогда не раздвигала ноги для достижения целей. Ни разу. Благодаря этому в свои тридцать четыре она заслужила репутацию редкостной стервы, суки и, разумеется, шлюхи. Это тешило самолюбие и дарило столь сладкую свободу в эпицентре власти.

---

¹ Этические нормы лоббизма, разработанные в 1990 г. (здесь и далее примечания автора)

² Лоббист – посредник между клиентом (компанией, человеком и даже страной) и государством. Обычно это очень хорошие юристы или бывшие политики.

Но никто! Ни один из журналистов на передовицах газет, ни одна из сросшихся с экраном телевизора домохозяйек или читающих доклад на истории США школьниц... Никто из скандирующих феминисток, радикальных «зелёных», защитников белых медведей или борцов за равноправие не знали, что стоит за идеальной картинкой их сбывшейся «американской мечты» об успешной женщине. Они видели тщательно отретушированную открытку, где Джиллиан О'Конноли – штампованный солдатик политического строя. Идеальная улыбка, фигура, тембр голоса. Совершенное владение мимикой и скрытыми жестами. А на деле – бездушная машина, уставшая от самой себя и не видящая иных перспектив, кроме как и дальше одной рукой возносить вверх, а второй сворачивать шеи. В Джил не было ничего, никакого внутреннего наполнения или душевной красоты, тайных переживаний или... Нет, одно всё-таки было. И именно о нём она пыталась забыть все шесть прошедших под флагом Америки лет.

***

В этот год столица и не думала вспоминать, что календарь упорно отсчитывал дни января. Он перелистывал страницы зимы и отмерял бесснежные дни, точно равнодушно просматривал рамочки пустого альбома. Капитолийский Холм уныло желтел пожелтым газоном, опутывал небо сетями из веток, словно сосудами, что питали метафорический воздух метафорическими соками демократии. И пока чинные сенаторы пять дней в неделю несли в руках кожаные портфели, никак не замерзавшая река Потомак несла в себе заблудившихся уток и небольшие прогулочные катера. Из скучных туч попеременно то сыпалось нечто неведомое, то проливалось что-то ещё менее определённое. И глядя на это непотребство, жители важнейшего в стране города пожимали плечами, а потом спешили по делам, рассекая отяжелевшие от влажности улицы жёлтыми пятнами такси.

И посреди этой хмари в благопристойном районе на окраине Вашингтона желтели окна одинаково уютных домов. С дверей и крыш здесь давно исчезли рождественские украшения, так что теперь ничего не нарушало общую серость. Однотипный вечер пятницы в этом уголке катился, как и каждую неделю, месяц и год, к своему концу у камина.

Однако в доме 3949 по Массачусетс-авеню, за низкой кованой решёткой забора, за серыми плитами дорожки, двумя обветшавшими от дождя да солнца вазонами с чахлыми фуксиями, за белыми ребристыми колоннами входа... За кирпичной кладкой, за чёрной стеклянной дверью, за светлой прихожей, за десятью годами брака и отношениями длиною в жизнь неминуемо шла к краху одна из тысяч подобных, но всё же совершенно другая семья.

– Ты не можешь постоянно сваливать, стоит мне появиться на пороге дома. Нашего, на минуточку, общего дома!

Джиллиан последний раз прошла пуховкой по контуру лица и оглянулась, посмотрев в голубые глаза мужа. Джеймс стоял, прислонившись к косяку двери ванной комнаты, и наблюдал, как от него в очередной раз сбегала жена.

– Пожалуйста. – Джил раздражённо передёрнула плечами, будто сбрасывала с себя тяжесть зябкого взгляда, и опять уставилась в своё отражение. – Не начинай снова.

– Не начинать? – Муж сделал шаг, подходя вплотную, и прижался к обнажённой спине Джиллиан. От тяжести его ладоней на своих бёдрах она вздрогнула всем телом, но мгновенно попыталась скрыть это за неуверенным движением. Губы, наверное, следовало всё же накрасить, но Джеймс так не любил, когда она подчёркивала их излишнюю пухлость... – Не начинать...

– Джим!

– Я просил не называть меня этой собачьей кличкой!

Мужские руки сжались сильнее, вминая мягкую ткань платья в тонкую кожу, затем скользнули вверх и, наконец, стиснули в жёстких объятиях. Джиллиан подняла взгляд и

наткнулась в зеркале на злые глаза мужа. Она знала, что виновата. Виновата так сильно, что даже ей не хватило бы слов, чтобы объяснить причины и глубину своего падения. Но она больше так не могла. Господи, кого здесь обманывать? Она просто не хотела. Нагло и абсолютно бесстыдно не желала иметь ничего общего с собственным мужем. Ни разговоров, ни редких завтраков, ни совместных ночей в одной постели. Сколько ещё они продержатся вот так, прежде чем он догадается? Джил надеялась, что её хватит. Семейный психолог говорила – так бывает, типичный кризис и ничего больше. Рано или поздно это пройдёт, и Джиллиан снова поверит. В очередной раз найдёт для себя аксиому, почему их брак – счастливый билет в жизни обоих. Ведь не могли же ошибаться родители. Не могли оказаться слепыми настолько, чтобы испортить жизнь единственным детям. А они сами не могли быть настолько глупы. Но всё же... Видят небеса, Джеймс не заслужил такого. Не заслужил вранья, равнодушия и бесчисленных мысленных надругательств над их клятвами. Но было, как было. И Джиллиан понимала, что подобными мыслями отвратительна в первую очередь самой себе.

Тем временем прохладная рука мужа уверенно взяла её за острый подбородок, вынудив посмотреть прямо перед собой. В зеркальном отражении, рядом с её собственным, показалось треугольное лицо Джеймса. Такое же блёкло-снежное, в рисунках веснушек на скулах и обрамлении рыжих волос. Они были похожи почти как брат и сестра. Люди говорили – на счастье, но вышло отчего-то иначе.

– Дорогая моя Джиллиан, скажи... – голос едва шелестел, и она была вынуждена прислушиваться к каждому неровному вздоху. – Могу ли я, вернувшись из очередной месячной командировки, надеяться провести вечер с любимой женой? Могу ли я, устав как собака, прийти домой и найти там горячий ужин?

– Не надо...

– Молчать!

Приказ был отдан неожиданным криком, послушаться которого Джиллиан не смогла и инстинктивно сжалась. Военный до последнего атома в теле, муж знал всё о том, как подчинить, но ни разу до этого дня не использовал свою власть на ней. Так неужели он тоже что-то почувствовал? Увидел... И теперь скрывал за широкой улыбкой и воскресным барбекю натянувшуюся струну брака, пока столь привычно сдерживаемые эмоции не прорвались наружу.

Но тут Джеймс провёл длинным острым носом вдоль напряжённой линии женской шеи, где под слоем тонального средства всё равно темнели осточертевшие веснушки, с шумом вдохнул аромат жены, и золотистые завитки у бледной кожи щекотно колыхнулись. Рыжие волосы мужа, что в отличие от пышной копны Джил были всегда столь раздражающе идеально уложены, мазнули по щеке, когда Джим опёрся подбородком на узкое, слишком конопатое, по его мнению, плечо. Спину неприятно царапнуло нашивками с кителя.

– Я вошёл в двери своего дома час назад. Шестьдесят минут, как нахожусь подле тебя, и ты даже не подумала спросить... Дьявол, Джиллиан! Нельзя же быть настолько бездушной сукой?

– Я... я... – Она быстро заморгала, а руки дрогнули, отчего в раковину полетели стеклянные баночки с кремами.

Неожиданно стало обидно, но вряд ли Джил могла бы сказать почему – от собственной вины или от слишком неожиданной грубости. Ведь одно дело слышать, как тебя называли завистники и конкуренты. Даже плюющихся ядом коллег можно было простить. Вряд ли понять, но уж простить-то точно, потому что в работе она слишком часто ходила за гранью любых моралей и норм. Но Джим... Господи, они же знали друг друга с детства! Он – старший товарищ, лучший друг, надёжная опора, тот самый железобетонный тыл, первая любовь и единственный мужчина... Спокойный, серьёзный, немного замкнутый и холодный, но всегда – всегда! – совершенно предсказуемый. Сын партнёров родителей, идеологически выверенный брак. Их поженили едва ли не в тот момент, когда Джиллиан сделала первый шаг под внима-

тельным взглядом голубых, точно ледник, глаз О'Конноли. И никто из них даже не думал, что может быть как-то иначе. Но теперь всё катилось куда-то не туда.

Она повернулась и впервые за очень долгое время всмотрелась в лицо мужа, где в этот раз обычно почти прозрачные, рыжеватые ресницы казались неожиданно тёмными. Джеймс будто побледнел ещё больше и немного осунулся. Впрочем, чего ждать от человека, только сошедшего с рейса? Сколько же его не было дома? Недели три? Нет... больше месяца. Ещё опадали последние лоскуты осени, устилая задний двор ровным потоком из жёлтых листьев. Джим всё собирался их убрать, да так и не успел до отъезда.

Со вздохом Джил машинально, как делала все эти годы, пробежалась пальчиками по нашивкам, а затем поражённо замерла. Руки вернулись и снова взметнулись вверх, оцарапав подушечки об острые края звёздочек. Их было две, она точно знала. Уж это миссис О'Конноли помнила лучше, чем брачную ночь. Едва ли не последнюю, когда они ещё любили друг друга. *«Господи, Джим, в какой момент я ошиблась?»* Острый ноготок очертил контур третьей звезды.

– Заметила, наконец. – Муж прикрыл глаза и грустно усмехнулся.

– Прости меня! Боже... – Почувствовав себя последней дрянью, Джиллиан лихорадочно поцеловала плотно сжатые бесцветные губы и снова уставилась на выстроенные в ряд звёзды. – Как я могла пропустить? Господи! Когда... Когда это случилось? Ты ничего не говорил, мы же недавно созванивались. И даже не намекнул...

– Две недели назад. – Джеймс наклонился к зеркалу, пригладил растрепавшиеся тонкие пряди и немного горделиво одёрнул манжеты. Он казался слишком спокойным... – Но плевать. Хотел отметить сегодня с тобой, думал, чем не повод... Ах, хотя забудь. Тебе никогда не было дела.

– Неправда!

– Да неужели?

Повисло молчание. Муж явно давал время придумать какое-нибудь оправдание невнимательности, но Джил не могла. Лжи накопилось слишком много, чтобы вместить в их отношения ещё хоть что-то.

– Я постараюсь вернуться пораньше, – наконец произнесла она, пока бездумно крутила пуговицу кителя, чувствуя неумолимо наползающее отчаяние. Это провал. Невероятно жестокий провал. Да, она могла бесконечно перемалывать в себе сомнения, но её поведение оскорбительно!

– Зачем тебе вообще уезжать? – Пальцы мужа неожиданно накрыли тонкую руку и остановили нервное движение. Один шаг, и вот он уже прижал Джиллиан к раковине, а холодный кафель столешницы неприятно заколол кожу. – Вечер пятницы. Неужели твои проклятые сенаторы, секретари сенаторов и секретари секретарей не обойдутся без тебя?

– Дело не во мне! – Джил попыталась вывернуться из объятий, почувствовав, как неумолимо пускал корни конфликт. За последний год тот был далеко не первый, но сегодня всё случилось совсем уж не вовремя. И это только её вина. – Я должна ходить и слушать их бесконечные хвалебные оды друг другу. Часть моей работы...

– Работа! – Джеймс фыркнул и резко оттолкнулся, отступив назад. – Может быть, хватит, Джиллиан? До каких пор будет продолжаться твой беспросветный эгоизм?

– О чём ты?

Видит бог, она не собиралась ругаться, но муж даже не захотел слушать.

– Десять лет я терплю это всё. – Он очертил абстрактный круг, в который наверняка заключил постоянные авралы, поездки и нервные срывы. Миллионы отговорок, звонков посреди ночи и бесконечных сообщений от коллег. Забытые праздники и, в последнее время, очевидную холодность. Жена из Джиллиан и правда вышла не очень. Тем временем Джеймс продолжил: – Дал время выучиться. Терпел твой бесконечный Йель с его отвратительными

продуваемыми общежитиями и занудными маразматиками. Я-то надеялся, мы избавимся от них с переездом. Какое там! Из года в год они только множатся. Сколько ты прыгала вокруг них обезьянкой, пока те нудели восторги? А я, между прочим, зарабатывал нам на жизнь.

– Если тебя что-то не устраивало, почему молчал? Почему не сказал сразу?

– Почему не сказал?! – по ванной комнате эхом прокатился злой смешок. – Вот только не делай вид, что не понимаешь...

– Но я действительно не понимаю.

Джил не шутила и не издевалась. В данную минуту она не могла найти ни единой причины, почему ради неё стоило идти на такие жертвы. Джим не врал. Это было видно по его глазам, по ещё больше побледневшим щекам и алевшим кончикам ушей.

– Проклятье! Я дал тебе возможность поиграть в большую политику. Закрыв глаза на безрассудство в Иллинойсе, когда ты не спала ночами и тащила на себе «кандидата из народа» в губернаторское кресло. Смирился с Вашингтоном, этой дырой для *моего* будущего, пока ты нагнала, хамела и зарабатывала *свою* репутацию.

– Я не знала, что для тебя это настолько в тягость. – Джиллиан нервно стиснула руки, ощущая надвигающуюся непоправимость сказанных слов. Бить по больному они умели оба, но она не станет устраивать эскалацию конфликта на пустом месте. – Понимаю, тебе надо выговориться. Но давай обсудим всё позже, когда ты успокоишься и...

– Что «и»? Ты думаешь, я газет не читаю, сидя в кабине самолёта где-нибудь над Средиземным морем? Или не смотрю телевизор? Третье тысячелетие на дворе, я умею пользоваться интернетом. Успешная жена – отличная строчка в моём досье и прекрасный пункт для дальнейшей карьеры, но ты зашла слишком далеко. – Он мерзко ухмыльнулся и протянул: – Железная стерва. Рыжая ведьма Конгресса. Лоббистская сука.

И Джиллиан вздрогнула, услышав данное ей газетчиками прозвище. Наверное, самое жёсткое из всех и, увы, чертовски верное.

– Не надо...

– Опять? Опять думаешь только о себе. Ты десять лет плюёшь на мои желания, а ведь я тоже человек!

Они посмотрели друг на друга, и каждый из них знал, что прозвучит дальше. Та самая тема поднималась множество раз и постоянно наталкивалась на преграды личных планов, других интересов и тайного позорного нежелания.

– Джиллиан. – Муж устало потёр лоб. – Я хочу нормальную семью, детей. Ты здорова, я здоров. Врач сказал, дело всего лишь в твоём постоянном стрессе...

Щека нервно дёрнулась, и Джил поспешила отвести взгляд. Стресс...

– Мы обсуждали это, – сухо откликнулась она и оттолкнулась от столешницы. Больно. Правда всегда грубо вскрывает старые раны, обнажая под зажившими шрамами застрявшую шрапнель прошлых баталий. А уж ложь... Сколько они обсуждают гипотетического ребёнка? Не счесть числа... – У нас был уговор. Сначала карьера, потом всё остальное.

– Хватит думать только о себе!

О'Конноли всё же не выдержал. Он в один шаг подлетел к жене, дёрнул за руку и резко развернул к себе. Попытка в очередной раз сбежать от разговора провалилась с треском едва не лопнувших от железной хватки косточек запястья. Господи, как же не вовремя...

– А я и не думаю, – зашипела Джиллиан и попыталась вывернуться из ледяных пальцев мужа, но тот держал крепко. – Пожалуйста, не сваливай всё на меня. Последнее время тебя не бывает дома так же часто. Ты месяцами обучаешь стажёров чёрт знает где, но я слышала твой упрёк. Все твои упрёки. И не знаю, что сказать...

– Не знаешь... – Он отпустил её столь внезапно, что Джиллиан пошатнулась и схватилась за широкие плечи мужа.

– Дай мне немного времени.

Она заглянула в его глаза. Джеймс смотрел настолько обречённо, что захотелось уткнуться в такую родную костлявую грудь и разрыдаться над собственной ущербностью. Но Джиллиан не могла или не хотела. Потому что где-то там, в очередном банкетном зале, ждала толпа лицемеров. Под светом софитов, звеня бокалами с шампанским, бродили проклятые ею и народом политики, что должны помочь выиграть лоббистской стерве очередную партию в бесконечных шахматах. И именно это, а не собственный муж или абстрактное семейное счастье, кощунственно интересовало Джиллиан намного сильнее. А потому, со всей ясностью осознавая собственную ложь, она проговорила:

– Обещаю, ещё один клиент, и всё.

Слова прозвучали, и Джил вынужденно поверила сама себе. Отличная привычка: не сомневаясь в искренности своего вранья, пока собеседник оценивает твою правдивость. Это работало всегда, обязано было и сейчас, но...

Но Джеймс молчал. Он не открывал рта так долго, что Джиллиан почти физически ощутила его сомнения. Муж знал её слишком хорошо. И в этой тишине одна за другой таяли возможности разобраться сначала в себе, прежде чем кинуть на дно своих кошмаров Джима. Это уничтожило бы его. Растоптало всё, чем он являлся и что представлял, выстраивая по кирпичику их семейную жизнь, пока она моталась между аудиториями, заседаниями и штатами. Однако пауза затягивалась, а они так и стояли друг напротив друга, связанные стольким, но неумолимо отдаляющимися. И когда Джиллиан уже хотела сделать хоть что-то – обнять, поцеловать, соврать – Джеймс развернулся и направился в гостиную. На ходу он стянул с плеч китель, а потом замер, устало бросив тот на спинку бездушного пластикового стула. Такого же безликого, как выстроившиеся вдоль невнятного стеклянного стола собратья. Модно-уродливого, как висевшая на стенах в рамках тёмная, колючая абстракция. Весь их дом был именно таким – современным, но бездушным. Вроде обжитым, но невероятно чужим.

Быстрым уверенным движением выхватив с полки навесного зеркального шкафчика одну из обычных упаковок для лекарств, Джиллиан спрятала ту в клатч и направилась следом за мужем.

– Времени больше нет, – спокойно произнёс Джеймс, от пламенной речи которого не осталось даже следа. Муж был собран и холоден. Именно такой, каким она всегда его знала. – Меня переводят в высшее командование.

– Что?

– Моё повышение предусматривает наш переезд во Флориду, – почти по слогам отчеканил он. Джиллиан показалось, что дрогнула земля.

– Когда?

– У тебя есть месяц, чтобы закончить здесь дела. – Джим неопределённо махнул рукой и принялся равнодушно расстёгивать пуговицы идеально выглаженной рубашки.

– А если я не хочу? Что, если я не хочу заканчивать?

Джил могла поздравить себя, голос не дрожал. Она смотрела в спину мужа, сжав кулаки с такой силой, что острые ногти наверняка давно порвали тонкую кожу ладоней. Однако прозвеневший в тишине комнаты вопрос не произвёл никакого впечатления на Джеймса. Всё, чего удостоилась Джиллиан, лёгкого поворота головы и чуть прищуренного взгляда.

– У тебя нет выбора. Дорогая.

И, силы небесные, сколько же злой иронии, оказывается, можно вместить в короткое, якобы ласковое обращение.

– Не надо, Джеймс... Не поступай со мной так, – ошарашенно прошептала Джил, замерев посреди гостиной в чёртовом вечернем платье.

С металлическим лязгом на стол отправился ремень.

– Нет?

– Пожалуйста! – Она подошла и схватила бледные, усыпанные едва заметными веснушками пальцы, которыми О’Конноли методично, точно отсчитывал дни до краха, вынимал пуговицы из их петличек. Одна за одной. Без единого неверного движения. Но стоило его коснуться, Джим вздрогнул и поднял взгляд. – Не делай этого со мной. Не сейчас...

Джеймс замер, чуть склонив голову, и поглядел на неё сверху вниз. Забавно, даже на чудовищных шпильках Джиллиан была ниже его, едва дотягиваясь носом до ямочки между ключицами. Она вдохнула родной запах мужа и ощутила сдавливающую горло удавку. Может, и правда эта блажь пройдёт? Ведь у них всё было хорошо... Было ведь? Хаотическое, немного отчаянное мельтешение мыслей оборвалось лёгким касанием, с которым Джеймс огладил выступающие позвонки на обнажённой спине. А потом резко притянул к себе, чтобы зарыться носом в ярко-рыжие волосы, взъерошив сложную укладку и вдохнув полной грудью.

– Помнишь наше путешествие на Аляску? – прошептал он, лаская кончиками пальцев острые края лопаток. – Ты постоянно стонала, что тебе холодно. А когда мы добрались до ледников, сказала...

– Что твои глаза, как те вечные льды, – так же тихо откликнулась она. – С виду безмятежный тысячелетний покой, но внутри – бесконечные пороги и перекаты.

Джиллиан зажмурилась в попытке разобраться в мешанине чувств, что взметнулись вместе с воспоминанием.

Это был подарок Джеймса на её двадцатилетие. Господи, какой же счастливой она была, когда стояла на продуваемой всеми ветрами палубе их маленького круизного лайнера и любовалась открывшимся зрелищем. Джиллиан до сих пор помнила шорох, с которым они, миновав вход залива, нырнули вглубь небольшой бухты. Корабль плыл в льдистой каше, а из тумана, озарённый множеством полос света, к ним выползал Хаббард³. Огромный неизбежный спящий гигант, наплевавший на копошившихся у подножия людишек. Лишь изредка, устав от суеты, он ради развлечения откалывал от себя огромную полосатую глыбу, чем пугал простых смертных.

Джил смотрела на это молчаливое в своей незыблемости величие и любовалась невероятным переходом цветов. Прозрачный, почти ярко-синий у самой молочной воды и едва ли не снежный, матово-сахарный на вершине. Как глаза Джеймса, который, прищурившись и заправским капитаном заложив руки за спину, стоял и смотрел вперёд. Высокий, стройный, уверенный, с чуть золотившимися на бледном солнце Аляски волосами. Герой то ли скандинавских легенд, то ли супергеройских комиксов, но весь её. От начищенных даже здесь армейских ботинок до опрятного воротничка белого поло, что торчал из-под джемпера. Надёжный. Тот, кого она надеялась однажды растопить, но в итоге замёрзла сама.

Именно там, вдали от взглядов других туристов, в тени надвигавшейся махины одного из красивейших ледников, Джим сделал ей предложение. И то кольцо всегда было с ней. Такое же льдистое, как осыпавшиеся осколки гиганта. Оно сверкало гранями голубого бриллианта, придавало уверенности в самые непростые минуты, пока однажды его свет не оказался чересчур тусклым. Она заблудилась. Окончательно и бесповоротно. И белый ободок словно обхватил не палец, а грудь, мешая вздохнуть, давя и угнетая.

– Я люблю тебя, – тихо и судорожно прошептал Джеймс, обрушивая всю тяжесть реальности на их плечи и ломая ажурную магию воспоминаний. Джиллиан чувствовала его искренность, видела решительность, исходившую из каждого слова, которых было-то всего три. – Слышишь? Неужели ты не можешь понять, что я не стал бы терпеть... Чёрт! Воробушек, дело же вообще не в этом. Когда ты радовалась своим успехам, радовался и я. Когда ты была счастлива, был счастлив и я. Ты шла вперёд, и мне хотелось идти с тобой рядом, чтобы никогда не расставаться. Но так не получится вечно, мне нужно хоть что-нибудь в ответ. Надежда или хотя бы намёк на неё, уверенность, что тебе не всё равно.

---

³ Крупнейший ледник на побережье Аляски.

Он прервался, сжимая в объятиях, а Джил задохнулась отчаянием. Глаза жгло невыплаканным стыдом. И в эту минуту, ту самую, когда хочется обещать невероятные вещи, она до сведённых судорогой мышц понадеялась в будущую правдивость готовых сорваться слов.

– Я обещаю, – твёрдо начала она, – что после этого клиента, ты получишь обратно свою жену. Обещаю, что стану такой, какой ты мечтал меня видеть. Осяду дома, научусь вязать салфетки, буду бесконечно готовить твои любимые фрикадельки в обнимку с поваренной книгой, рожу тебе футбольную команду и в совершенстве освою навык подглядывания за соседями...

На последнем они оба не выдержали и немного нервно фыркнули заведомой абсурдности такой идеи. Джеймс знал, как знала и Джиллиан, что она всё равно найдёт на свою голову кучу задач, что заставить её сидеть на одном месте можно только под домашним арестом или приковав цепью, что сплетни и вязаные салфетки – последнее в списке интересов миссис О'Конноли. Но обещание дано, и в этот раз не было ни одной причины его не выполнить.

Джил подняла голову и поцеловала мужа в едва заметно колючий подбородок. Она справится. Все странные мысли, сомнения, неуверенность и желание вывернуться из таких прежде любимых, а теперь до дрожи чужих объятий просто блажь уставшего мозга. Психолог прав. Но прав и Джим – он её избаловал. Пора спуститься с небес на землю и смириться с ролью в круге жизни. Да, она сделает это, но чуть позже, а пока...

– Мне нужно быть там сегодня, – тихо произнесла Джил и заглянула в знакомые до последней крапинки глаза. – Такой случай подворачивается редко.

– Очередные страждущие жаждут пролоббировать свои налоговые льготы? – ворчливо отозвался Джим и криво усмехнулся, как всегда, не в силах запомнить, чем именно занималась его жена. Но она чувствовала, что остался ещё шаг, и муж сдастся. В последний раз.

– Нет. – Джиллиан тряхнула головой, отчего буйная рыжая прядка выбилась из сложного пучка, и Джеймс привычно вернул своевольную беглянку на место.

– Тебе не идёт этот цвет, – задумчиво проговорил он. – Может, ну этот протокол и покрасишься в синий? М? Твои обожаемые демократы оценят.

– Да хоть в зелёный! – нетерпеливо отмахнулась она. – Джим, грядёт что-то занятное. Говорят, сам Клейн заинтересован в моём участии.

– Твой бывший наставник? – Вот теперь у Джиллиан точно получилось привлечь внимание мужа. Пожалуй, даже её работа не удостаивалась такого презрения, как Артур Клейн – признанный мастер манипуляций и подкупа.

– Да. Ходят слухи, что он хочет перетряхнуть всю энергетику и планирует в Конгрессе большую игру. – Глаза вспыхнули, будто ведьмовские зелёные искры танцевали внутри самой Джиллиан.

– Бог с тобой. – Джеймс покачал головой, принимая очередное поражение. – Тряси свою энергетику, пока не избавишься от скопившегося в штанах политиканов песка. Но знай – я буду ждать тебя во Флориде. Через месяц, два или три. Как только закончишь.

– Спасибо, – прошептала Джил, благодарно стискивая Джима в объятиях. Она справится. Она вернётся. И всё будет, как раньше. Как было шесть лет назад. До Иллинойса. До *него*...

Брошенный на столе телефон призывно завибрировал, привлекая внимание обоих. Джеймс тяжело вздохнул, последний раз пробежался прохладными пальцами по спине жены и отпустил.

– Мне пора. Придумай, куда хочешь сходить. Я вернусь, и мы отпразднуем твоё повышение.

– Лети, воробушек. – Муж улыбнулся и вновь занялся расстёгиванием рубашки, а Джил вдруг почувствовала себя неуверенно. Странно. Они приняли решение, договорились, подарили друг другу столь необходимые обещания, но... Но спокойствия в душе так и не появилось. Вот уж точно – воробушек. Выпавший из гнезда.

Она подхватила пальто, сунула в карман натужно вибрировавший телефон и направилась к выходу. Но стоило пальцам сомкнуться на дверной ручке, как её настиг тихий голос мужа.

– Джиллиан?

– Да? – Она оглянулась, придерживая полы пальто, которые так и норовили распахнуться.

– Ты сегодня невероятно красива.

Скованно улыбнувшись в ответ, она толкнула входную дверь и спряталась от сбивающей с ног искренности за щелчком замка.

2

Наши дни Вашингтон, округ Колумбия

Октябрь

21 день до президентских выборов

В этот полдень дом на Массачусетских высотах был непривычно спокоен. Тишина была повсюду. Молчала в пустом кабинете и не шелестела сквозняком в коридорах. Однако в одной-единственной комнате она сгустилась настолько, что в ней было легко задохнуться. И в её абсолютной тишине вдруг стало слышно, как в столпах света затрещала сухая пыль, как по вышивке антикварного кресла скользнули лучи и как захрустело в мягком ворсе ковра крошево семейного счастья.

Супруга вице-президента целой страны смотрела на выложенные перед ней мутные фотографии и не понимала. Не понимала, как же так вышло? Когда жизнь сорвалась с намертво вбитых опорных крюков, и случилось это? Господи! Ей казалось, подобные новости – удел других жён, других семей, в конце концов, других отношений. Видимо, нет. И вот тому доказательство: пять снимков, что перевернули всю жизнь. Но, чёрт тебя побери, милый супруг, зачем было делать это именно... так? Их мир обнажён перед публикой до самых костей. Здесь нет ничего тайного. Они всегда под прицелами тысячи камер и глаз. Каждый шаг – достояние страны, каждый вздох – предмет обсуждений, слово – повод для скандала. Так почему?

Хотелось моргнуть, но глаза не щипало – не то время и место для сантиментов. Впрочем, она всегда была чёрствой. Муж часто за это журил и просил быть с ним откровенной. Требовал не молчать, говорить, рассказать о любой проблеме, что могла обернуться для психики Джиллиан огромной бедой. Но сейчас, всегда оберегавшая её скрытность оказалась так кстати. Да, наверное, когда закроется дверь... когда задёрнутся шторы, что спрячут кабинет от осеннего солнца, то она сможет... Сможет что? Осознать? Горько засмеяться? Поверить? Нет, Джил могла понять его желание. Даже могла бы объяснить причину. В конце концов, кому как не ей знать, отчего люди шли на такое. Но почему... так?

– Миссис Рид, – голос личного секретаря Элвина Баррета вырвал из раздумий.

Тонкие длинные пальцы с гладким ободком единственного кольца осторожно коснулись мутноватых, будто чуть выгоревших от времени снимков. Бред, конечно. Бумага была слишком новой для тайны прошлого. Значит, всё случилось недавно. Хотя было что-то не так в блёклости фотографий, но рассеянный взгляд никак не хотел цепляться за изображения. Это оказалось почти физически больно, а потому Джил смотрела куда угодно, но не на снимки.

– Миссис Рид? Нам надо решить, что будем делать. – Баррет настойчиво требовал ответа, которого у неё не было.

Что будем делать? Боже! Как будто бы она знала! Это же не её проблема, не её промашка, не её скандал, хотя... Кого она обманывала? Они с Беном делили клятвы, делили ответственность, делили любовь, а значит, пришла пора поделить и совесть. Если будет с кем. Но до чего

же иронично! Судьба-насмешница нашла, как отомстить. Джиллиан нервно заправила за уши короткие пряди рыжих волос.

– Кто ещё в курсе фотографий?

– Пока только мы. Однако у нас только копии. Оригиналы гадёныш хранит у себя.

– Есть ещё снимки или только эти?

– Не знаю.

Плохо. Это действительно очень плохо. Но миссис Рид лишь едва заметно поджала губы и отложила наполовину составленный бриф очередного агитационного ролика.

– Раз нам их показали, значит, от нас чего-то хотят. Я права?

– Да.

Тонкая, идеально очерченная бровь легко взлетела вверх. Джил ненавидела это. Ненавидела бесконечный, еле уловимый запах косметики, отяжелевшие под тушью ресницы, губную помаду и проклятый нейтральный цвет лака. Как давно они с мужем не запирались с коробками дешёвой китайской лапши и записью очередного фестиваля в Монтрё? Наверное, как началась его безумная президентская гонка. Интересно, это случилось тогда? Или же до...

Тем временем помощник взлохматил и без того растрёпанные светлые волосы. Баррет был молод. Пожалуй, слишком для занимаемой должности, но Джил нравилась его находчивость и почти патологическая честность. В первый же год работы Баррета изуродовал жар проклятого всеми Конгресса. Кислотой целились в миссис Рид, но Элвин оказался проворнее людей из охраны.

– Говори уже. – Она устало откинулась на спинку офисного стула. – Мы здесь не в шарады играем.

– Он хочет личной встречи и...

– И?

– И небольшую услугу. Насколько я понял, проблема в грядущем расследовании по обороту наркотических средств и в ужесточении закона.

Нет, это уже смешно! Проект мужа длиной в пять лет, инициированный им ещё в бытность сенатором. *«А сейчас, милый, тебя хотят остановить?»*

– Исключено. Встретиться с ним я могу, но ничего больше.

Баррет скривился, отчего обезображенное лицо стало жутким. Но Джил привыкла.

– Уверены? Вам стоит подумать. На кону карьера мистера Рида, который, на минуточку, вице-президент...

– Ты прекрасно знаешь, что с политикой я покончила в тот момент, когда согласилась выйти за него замуж. – Она устало потёрла рукой лоб. – И никогда не стану мешать своему супругу делать то, во что верю сама.

– Речь не идёт о вашем возвращении в большую политику, всего лишь о... нескольких документах, которые есть у вице-президента.

Джиллиан громко, совсем не по регламенту рассмеялась и крутанулась на противно скрипнувшем кресле. Вице-президент... Резко затормозив ладонями о гладкую поверхность стола, она потянулась к одной из фотографий паршивого качества и зло улыбнулась. Нет, ну какой всё-таки ракурс! Какой свет! Идеальная съёмка скрытыми камерами. Стоило бы добавить пошлые лепестки роз, но, видимо, быстрая отельная романтика не предусматривала такой роскоши. Впрочем, какая-то бутылка всё же стояла на прикроватном столике. А рядом, очевидно, пара бокалов. Снимок был таким мутным, но...

Полюбовавшись ещё немного на знакомую родинку, что уютно устроилась на не менее знакомой заднице мужа, Джил перевела взгляд на второго участника провокационной фотосессии. Девушка как девушка. Две руки, две ноги, голова. Растрёпанные, похоже, рыжие волосы, и странно скрещённые ладони, за которыми не было видно лица... Решила поскромничать? Знала, что снимают? Похоже.

Интересно, сколько раз они так встречались? Всегда ли это была она? Или лишь очередной досуг где-нибудь в Алабаме... Господи, кому расскажешь – засмеют. Железная стерва сидит и страдает, сколько у её мужа было любовниц. Размякла, детка.

– Миссис Рид? – Элвин снова напомнил о своём присутствии.

Лишнее. Всем известно, вторая леди страны ничего не забывала. Хотела бы, да вот только тренированная память слишком долго использовалась на износ. Помассировав холодными пальцами бьющиеся пульсом виски, Джиллиан медленно выдохнула.

– Желание помешать расследованию означает, что кто-то очень напуган. – Голос звучал монотонно, пока руки скрупулёзно выкладывали в ряд пять размытых бумажных карточек. Бочок к бочку, уголок к уголку. И вместе с идеально прямой линией в голове Джил выстраивалась логическая цепочка элементарных выводов. – Это опасная игра накануне выборов. Видимо, кого-то загнали в капкан. Кого-то, кто подобрался близко к вершине.

– Вопрос не о об этом. Ему нужна маленькая услуга, как-то связанная с расследованием. Мистер Рид в шаге от президентского кресла. Через три недели всенародные выборы, и если фотографии всплывут...

– Не рассказывай мне, что произойдёт в этом случае. Шесть лет назад я сама вела точно такую же игру.

– Тогда вы должны понимать.

– Сколько он тебе заплатил, Баррет? – спросила Джиллиан и подняла тяжёлый взгляд на склонившегося над столом юношу. Молод... слишком молод для этих игр.

– Ни сколько.

– Тогда почему ты толкаешь меня на это? Вынуждаешь врать и мужу, и собственной стране?

– А он не лжёт? – Элвин ткнул пальцем в снимки. – Это предрассудки. Вы прекрасно знаете, наш вице-президент – лучшее, что случалось со страной за последние тридцать лет!

Он неожиданно зло усмехнулся, и на его изуродованном, но всегда улыбчивом лице это показалось слишком гротескным. Кривое зеркало добродушия.

– Шансы мистера Рида чертовски хороши. Как показывают опросы и предварительные результаты голосования, они выше, чем у основного соперника. Став первой леди, вы подниметесь на вершину пьедестала этой страны. И должны понимать, что каждый! Каждый из тех, кто протирает штаны в Сенате, хоть раз ходил налево. Такова особенность большой политики. Они могли хотеть или не хотеть, причины у каждого свои, или их вообще не было, но все однажды побывали в чужой постели. И так же, как жёны этих успешных людей, вы должны набраться решимости и перешагнуть. Ради вашего мужа. Ради вас самой.

В небольшом светлом кабинете повисло молчание. Нет, ничего нового Баррет не сказал. В своё время тогда ещё миссис О'Конноли полностью искупалась в сенатском дерьме. Она знала все трубы, через которые улетали перевязанные алой ленточкой скандала интриги и сплетни. Но Джил не верила. Побывав шесть лет назад у изголовья чужой супружеской кровати, не хотела даже на секунду предположить, что с ней произойдёт то же самое.

– Тебе пора, Элвин. – Джиллиан привычно попыталась пригладить неистовство собственных волос, но вовремя спохватилась, медленно поднялась на ноги и прошла в сторону двери. Сзади раздался усталый вздох.

– Пожалуйста, подумайте над тем, что я сказал. – Баррет быстрым движением скинул в портфель снимки и подошёл, заглядывая Джил в глаза. Он тоже был раздосадован, расстроен и выбит из колеи. Но Элвин был бы не Элвин, не ищи он выход даже из такой, казалось бы, безнадёжной ситуации.

– Я обещаю, – тихо ответила Джиллиан и ловко вытащила из портфеля одну из фотографий. На память.

Дверь за личным секретарём закрылась, и по паркету официальной резиденции вице-президента глухо застучали каблуки замшевых туфель. Шаги удалялись, но хрупкие женские пальцы по-прежнему судорожно стискивали медную ручку, точно боялись отпустить. Три недели до выборов... О, страна будет в восторге!

Судорожно вздохнув, Джиллиан Рид всё же отодрала словно прикипевшую к нагревшемуся металлу ладонь и схватила с ближайшего дивана подушку. Вышитые шёлковые цветы в последний момент заткнули рот и почти погасили рвущийся изнутри обезумевший крик. Бен... Бен! Твою мать, Бен! Почему?!

Слева тихо скрипнула дверь.

– Мам? – Джил вздрогнула и поспешно поднялась на ноги, кинув подушку мокрым пятном вниз. – Я слышала дядю Элви.

Слышала? Шагнув к дочери, Джиллиан почувствовала, как внутри зазвенели нервы.

– Эми, тебе давно пора спать. Почему ты подслушиваешь под дверь? – Джил не сердилась. Какой смысл, если этот несносный ребёнок всегда делал по-своему.

– Я не подслушивала! – Дочь возмущённо топнула маленькой ножкой, отчего штаны любимой и потому растянутой временем жёлтой пижамы чуть было не сползли с её тельца. Быстро вернув беглецов на место, Эми схватила протянутую ладонь. – Почему дядя Элви ушёл?

– У него много дел, крошка, – Джил скованно улыбнулась, пока они торопливо миновали малую гостиную, прежде чем войти в детскую. Честное слово, в этом доме можно было всю жизнь прожить и так ни разу не выйти в общий коридор.

– А он придёт ещё?

– Конечно.

– И принесёт леденец.

– Почему ты так решила? – Джиллиан не удержалась от смешка и натянула повыше одеяло с очередной феей Динь-Динь.

– Он знает, что я люблю леденцы.

– Ты сама ему сказала? – удивлённо прошептала Джил, глядя, как устраивается в кровати Эми. Рука потянулась к тёмным кудряшкам.

– Нет. Папа, – едва слышно пробормотала дочь.

– Папа...

Джиллиан не знала, сколько просидела на краю детской кровати, машинально перебирая пальцами мягкие локоны. Она смотрела на дочь, а перед глазами стояли пять фотографий, которые лучше было бы никогда не видеть... Или не лучше. Никому не дано знать.

За почти сорок лет в жизни произошло многое и чуть не дошло до точки переломного невозврата. Джиллиан меняла фамилии, дома и приоритеты, рушила себя и строила заново. Хаотично возрождалась из таких обломков, что теперь предсказуемо не могла понять – кто же она, чёрт побери, такая. Но «то самое» никак не находилось, несмотря на помощь Бена и собственные отчаянные попытки. Джиллиан наивно полагала, у неё ещё будет время обдумать и разобраться, но решать придётся прямо сейчас. Сию минуту.

Быть может, стоит вернуться в колею резких высказываний и кардинальных решений? Вспомнить былой успех и закопать совесть в каком-нибудь цветочном горшке? Знакомо и просто. Но Баррет прав – её ответственность очевидна. Да, она тяжела и почти неподъёмна, но лёгкого способа убежать от проблем больше нет. Теперь Джиллиан – мать, жена, бессменный *amicus curiae*⁴ для вице-президента, а ещё глава его предвыборной кампании. И потому у неё

---

⁴ «друзья суда» – независимое лицо, которое оказывает содействие суду, предоставляя ему информацию о рассматриваемом деле.

нет ни единого шанса пройти мимо своей же истории, хотя брать на себя груз обязательств было по-прежнему страшно. Господи, столько лет прошло, а она всё такая же трусиха.

Однако сейчас проблема в том, чью сторону ей следовало занять. Наверняка гамбит неизвестного подразумевал любой из вариантов, который Джил могла бы придумать. Впрочем, их и было-то всего три. Скучно даже по меркам деревянных лбов из Сената. Принять условия и пожертвовать собой ради мужа и дочери, ведь правда о её участии непременно всплывёт. Отказаться, чтобы из мести и горькой обиды перечеркнуть шесть лет их с Беном труда, брака и (она очень хотела верить) любви. Или же закрыть глаза, оставив шантажисту право самому решать, в какой момент разрушить их жизни. Ну, что... Сможешь ли ты, Джиллиан Рид, сделать это? Сможешь ли сделать выбор без выбора? Сомневаться было так непривычно. А ведь ещё оставалась Эми и её сложности.

Джил вздохнула и прикрыла глаза.

– Господи, помоги нам...

3

6 лет назад Вашингтон, округ Колумбия

Январь

Джиллиан ненавидела каблуки. Будь её воля, выковыряла бы острыми шпильками душу тому, кто первым придумал поставить женщин на эту пародию обуви. О, и в тот же ад отправился бы создатель юбки-карандаша, белой блузки и, конечно, жакета. Джил называла свой образ доспехами. Деловые костюмы, точно скафандр, скрывали в себе проблемы, переживания и тревоги, а улыбка бездушного манекена запечатывала любые возможные щели в броне. Ибо всему человеческому было не место там, где правили холодный расчёт и отсутствие совести. Это мешало, а Джиллиан слишком привыкла быть лучшей. В умении шантажировать и добиваться своего ей не было равных. А потому, онемевшие к вечеру ступни и сведённые судорогой икры она считала незначительной платой за успех и соответствующую репутацию. Всегда облачённая в чёрно-белую гамму, миссис О'Конноли грызла глотки и самодовольно стирала с мёртвых шей конкурентов следы своей тёмной помады.

Бросив взгляд в зеркало и поморщившись от рафинированного вида, Джиллиан в последний раз поправила идеологически верный пучок слишком густых и отвратительно рыжих волос, которые никак не хотели выглядеть чинно. Видит бог, она обкорнает их. Совершенно точно обрежет в каре. А ещё этот цвет... Вульгарный! Джеймсу он никогда не нравился. Ох, Джеймс... Джил нахмурилась.

В эти выходные они почти не разговаривали. Их руки занимались делами, редкие слова строили иллюзию нормальности, пока души чувствовали повисшую напряжённость. Джим уехал сегодня утром, когда электронные часы показали начало шестого. Коротко поцеловав сонную жену, он умчался в Лэнгли или куда-то ещё. И Джил сомневалась, что хотела бы знать куда именно. Эти две ночи, когда потолок или простыня мерно скользили перед глазами в такт движениям мужа, она пыталась понять – какого чёрта?! Что с ней не так? Быть может, виновато побочное действие? Медсестра, да и врач, предупреждали об этом. Говорили, могут быть проблемы или последствия из-за гормонов... Что последняя процедура была слишком рискованной. Нужно восстановиться. Да, возможно, но врать самой себе больше не получалось. Видит бог, она держалась шесть лет, стараясь забыть Иллинойс. А тут ещё и сестрица...

В прошлом месяце Оливия болтала много, даже слишком. Она металась по своему кабинету в психиатрической клинике, куда Джил ездила слишком часто для человека её репутации, и сыпала банальностями: очередной кризис, накопленная усталость... Но сказанные перед уходом несколько фраз прозвучали тревожно:

«Тебе нужно сделать перерыв в приёме лекарств. Это опасно. Такие дозы негативно сказываются на психоэмоциональном состоянии...»

Бла-бла-бла. Джиллиан невольно поморщилась, вспомнив слишком резкий тон сводной сестры, и задумчиво помассировала ноющую ладонь.

Чушь! Всё это чушь! Потому что хоть за последние несколько лет она и научилась идеально имитировать оргазм, могла даже заставить себя хотеть мужа, но в душе знала правду. Настоящую. Не связанную ни с одной из причин вроде гормонов или выданных Оливией препаратов. Всё просто. Невозможно жить и спать с тем, от кого хотелось сбежать. В их отношениях с Джимом нет и не будет нежности или ласки, заботы или внимания. Всё их существование – дурацкое должное, которое им навязали. И, казалось бы, вот он развод. Два заседания в суде, отсутствие обоюдных претензий и чистая совесть. Но как же страшно вот так, в тридцать четыре, когда у других только всё начиналось, уже остаться ни с чем. Разом лишиться привычного мира, в котором Джиллиан родилась, к которому готовилась и в который верила. Ведь это же Джим! Милый, заботливый, весёло-веснушчатый, временами немного занудный. Лучший супруг из возможных! Восхитительная партия, гарантия надёжности и семейного счастья. О таком остаётся только мечтать. Другим. Не ей...

Джил привычным и машинальным движением поправила тёмный контур помады, а затем устало опёрлась ладонями на искусственный камень столешницы. Фальшивка. Всё в этом доме обман, даже она. Как легко быть смелой с чужими людьми, и насколько пугала жизнь, где за каждое действие приходилось отвечать лично.

«Слишком высокая концентрация в крови грозит огромными проблемами. Ты теряешь контроль...»

А вдруг не чушь? Ведь должна быть причина! Физическая, а не та, что шесть лет беспокойно спала на самом краю сознания. Джил зажмурилась, приводя в порядок мысли, а через мгновение схватила с полочки ключи от машины, захлопнула входную дверь и уверенно застучала каблуками по серым, промёрзлым бетонным плитам двора. Усевшись за руль безликой белой Тойоты, она через пару минут влилась в утренний поток таких же одинаковых машин. Нет, вся проблема в таблетках. Точно.

***

— *Доброе утро, Америка!* – голос радиоведущего звучал заразительно бодро и вибрировал облачками выхлопных газов под бледным солнцем. Январь всё ещё сомневался, что он зимний месяц. — *Сегодня чудесное утро, и мы будем надеяться, день окажется таким же. Понедельник в столице выдался солнечным...*

В этот час низкорослый Вашингтон потихоньку издыхал под натиском пробок, и бесчисленные машины заполнили ровную сетку городских улиц. Автомобили гудели, шумели и выпускали в атмосферу ядовитые клубы дыма, пока медленно двигались в сторону эпицентра событий.

Пробравшись через затор рядом с посольствами и нырнув на более тихую улицу, Джиллиан остановила машину перед коричневым зданием. К счастью, в этот утренний час парковка оказалась пуста, что избавило от утомительного поиска свободного места. Очередной перестук каблуков эхом отразился от арочного пролёта, заблудился в своде и скрылся за стеклянной крутящейся дверью. Отсчитав восемнадцать шагов до главного греха своей жизни, Джил вошла в холл медицинского центра.

– Добрый день, миссис О’Конноли. – Девушка за стойкой ресепшена улыбнулась. – Пожалуйста, подождите несколько минут. Сейчас вас пригласят.

Джил кивнула, машинально достала пачку антибактериальных салфеток и уселась в одно из глубоких кресел. В очередной раз пришла мысль, что им в офис нужно такое же – уютное, расслабляющее. Но Джордж был против любого намёка на комфорт и считал аскетичную обстановку наиболее продуктивной. Вздохнув от бесперспективности убедить начальника, Джиллиан включила телефон и углубилась в чтение почты. Вверху экрана то и дело мелькали сообщения рабочего чата. Коллеги уже приехали на работу и теперь непринуждённо трепались.

Чёртовы жаворонки. Улыбчивые экстраверты, что прямо с утра щебетали точно заправский орнитарий.

Разумеется, карьера в политике гарантировала бессонные ночи во время особо сложных кампаний. Работы всегда было много. Иногда за пределами, иногда терпимо, но ложиться далеко за полночь и спать не больше пяти часов давно стало нормой. И хорошо, если вообще удавалось заснуть. Бывая дома дольше трёх дней, Джеймс нередко ворчал на жену из-за её нескончаемой занятости, ненамеренно путал бумаги и диаграммы чьих-то экономических показателей. В итоге всё заканчивалось новым скандалом, хлопаньем дверей и обиженным телефонным молчанием до очередного приезда. Однако Джиллиан призналась самой себе – бессонница последних месяцев стала тревожной.

«Джил!»

На экране неожиданно всплыло личное сообщение.

«Когда будешь в офисе?»

Она удивлённо подняла брови, недоумевая, что заставило Джорджа Уилсона написать, а не позвонить.

Один из руководителей компании, где работала Джиллиан, был когда-то успешным сенатором. Уйдя из Конгресса, он отпустил бороду, основал вместе со старым приятелем одно из крупнейших агентств в сфере международного лобби, начал по-крупному врать и доводить подчинённых до ретинальных мигреней своими мистификациями. Джордж был хорошим, но довольно жестоким начальником и устраивал выволочки, которые часто заканчивались увольнениями. Однако к Джил он питал довольно неоднозначные чувства и с долей извращённого удовольствия наблюдал, с какой беспринципностью она порой действовала.

– Миссис О’Конноли. – Дверь ближайшего кабинета распахнулась. – Пожалуйста, проходите.

«Через пятнадцать минут», – лихорадочно набрала Джиллиан и подхватила сумку.

«Давай через десять. Будет весело».

Ответ вырвал из плотно сжатых губ недовольное цоканье. Ох уж этот конспиратор! Медсестра удивлённо повернула голову, но Джиллиан лишь холодно улыбнулась.

– Работа, – равнодушно проговорила она, снизойдя до объяснений. Джил расстегнула пиджак и оголила плечо.

– Всё же не хотите попробовать противозачаточный имплантат? – рассеянно спросила сестра, пока выуживала из упаковки знакомый фиолетовый шприц. – Меньше проблем.

– Нет, – Джиллиан раздражённо мотнула головой. От прикосновений чужих рук невольно стало нехорошо. – Слишком заметен.

Укол в плечо получился терпимым, но она всё равно поморщилась. Скорее, рефлекторно, нежели от инфантильного страха игл. За восемь лет работы с государственными делами бояться было уже попросту нечего. Тем временем обычный пластырь стянул кожу и прикрыл место предательства. На плечи вернулся проклятый доспех, мышцу больно дёрнуло в точке инъекции, а Джиллиан обратила взгляд на удивительно молчаливого врача. В принципе, что здесь ещё сказать? Само приглашение на процедуру говорило само за себя. Однако тут доктор Парви потёр изрезанный морщинами лоб, вздохнул и медленно пролистал в папке несколько файлов, где виднелись испещрённые таблицами бланки и глянцевая чёрно-белая лента УЗИ.

– Ваши анализы в норме, – сухо проговорил он. – Уровень гормона упал до нулевых значений. Эмбриона в полости матки больше нет.

– Замечательно, – кивнула Джил и собралась подняться, но голос доктора Парви вынудил остановиться.

– Случай довольно интересный. Это уже второй раз, несмотря на противозачаточные инъекции...

– Из-за моих командировок они получают слишком нерегулярными.

– Спираль?

– Не подошла.

Ещё одна попытка встать, однако следующий вопрос намертво припечатал к креслу и вколотил с головой в землю, похоронив под плитой совести. Слишком жестоко, доктор...

– Может, дадите своим детям шанс? У вас уже было два аборта, и во время последнего нам пришлось провести кюретаж⁵. Пусть процедура прошла хорошо, но кто знает, что случится в следующий раз.

Джиллиан оказалась не в силах даже моргнуть от резко сдавившего виски напряжения. В ушах зашумело, во рту пересохло, пока она пыталась дышать и не заорать от абсурдности заявлений. Дать шанс... Шанс кому? Чему? Зачем?! Им с Джеймсом? Или потенциальному ребёнку, чья равнодушная мать бросит его под стенами отчаяния? Именно так было в детстве самой Джиллиан. Не дитя, а продукт системы. Вынужденная необходимость лишь потому, что это неплохо сказалось на общественном статусе матери. Ну уж нет! Она не хотела рожать ублютков. Ни сейчас, ни вчера, ни завтра. Никогда!

– Благодарю за беспокойство, но это вас не касается.

Видимо, что-то поняв, доктор Парви вздохнул и кивком головы показал, что она свободна. И Джил ушла. Она никогда не испытывала сожалений, не станет и теперь.

Однако её терпения с трудом хватило, чтобы спокойно дожидаться сдачи и размеренно подойти к дверям. Джил ненавидела наличные деньги. До глубины души презирала отсчитывающих мелочь торговцев, брезгливо морщилась, дотрагиваясь до грязных банкнот, а потом ещё долго оттирала руки салфетками. Но выбора не было. Карточки и чеки оставили бы после себя яркий след на тихой глади семейной жизни. Ведь Джеймс не простит. О нет. Скорее, свернёт тонкую шею жены и следом повесится сам. Ибо то, что сделала Джил, извинить невозможно. А потому она не могла позволить себе ни единой ошибки. Джим не должен узнать. Ни о чём. Никогда.

До нужной улицы удалось добраться за рекордное время. И здесь, как всегда, было не протолкнуться. Отовсюду доносился несмолкаемый бубнёж телефонных разговоров, а аромат кофе плотным облаком плыл в сторону Белого Дома. Невзирая на судебные процессы, что за последние несколько лет изрядно потрепали конторы лоббистов, большинство профессионалов по связям с властью всё ещё находились именно здесь. Близость Овального кабинета держала в тонусе и не позволяла накалу страстей пеплом остыть над Капитолийским Холмом, а звуконепроницаемые кабинеты позволяли творить политику, наплевав на закон и Конституцию. В общем, зверинец, в котором главной самкой проживала Джиллиан О'Конноли, был очарователен.

Офис преуспевающей фирмы в сфере международного лобби располагался на шестом этаже обычной стеклянной коробки, которыми через одну была застроена прямая, точно флагшток, улица. Это было типичное здание с типичной начинкой. Бесшумные ковры, царство прозрачных перегородок, кожаных кресел и огромных столов цвета тёмного шоколада.

Джил уверенным шагом двигалась в сторону директорского кабинета. Здороваясь кивком головы с коллегами, она привычно начинала вращение земли в нужную сторону. Но когда бледная рука без стука распахнула стеклянную дверь, лоббист О'Конноли на мгновение замерла, а затем нехорошо усмехнулась.

– Доброе утро, Джордж. Алекс. – Она кивнула двум партнёрам, что вот уже второй десяток лет успешно делили кресло руководителя. Разумеется, метафорично. – Думаю, я не вовремя.

---

⁵ Хирургическая процедура проведения аборта. Проводится только в стационаре. В США применяется по строгим показаниям из-за ряда побочных эффектов.

– Джиллиан. – Пожилой мужчина, который до этого сидел к ней спиной, тяжело поднялся и медленно повернулся. Пробежавшись длинными кривыми пальцами по зализанным седым волосам, он приторно улыбнулся, а его бледно-голубые, точно размытая акварельная клякса, глаза уставились напрямиком в лицо Джил. – Вы не представляете, как я рад снова вас видеть. Прекрасно выглядите.

– Надо же, – протянула она, и полные губы изогнулись в усмешке. – Возможно, мне помешалось, но не вы ли семь лет назад орал на весь Конгресс, чтобы ноги моей рядом с вами не было? – Непроизвольно появившийся оскал искажил правильные и мягкие черты, отчего лицо Джил приобрело едва уловимое сходство с хищной лаской. – Джордж, я зайду попозже. Не думаю, что мистер Клейн счастлив так близко соседствовать с моими туфлями.

Гость рассыпчато засмеялся, покачал головой и поднял длинные руки в знак поражения.

– Ну-ну, Джил, кто старое помянет. – Белозубая, сахарно-сладкая улыбка старика заставила поморщиться всех сразу. – Я пришёл к тебе с оливковой ветвью и надеюсь на помощь в память о былом союзнчестве. Скромно напомню, именно я приютил тебя сразу после университета и предоставил прекрасный трамплин в будущее.

– Скорее, смачный пинок, – проворчала себе под нос Джиллиан, но всё же зашла в кабинет и чуть брезгливо пожала руку пожилому политику. Из кармана на утренний свет немедленно появился дезинфицирующий гель. Ничего личного, просто привычка...

Решив дать цирку шанс, Джил с достоинством опустила обтянутый юбкой зад в совершенно неудобное, зато модное кресло. Плечо дёрнуло в месте укола, но Джил не пошевелилась.

До этой встречи они с Клейном ни разу не пересекались дольше пары секунд. Холодные улыбки, скупые приветствия в коридорах Конгресса – вот и всё, что осталось от некогда живого общения. Три года Клейн был для неё всем, почти заменил отца, но в один прекрасный момент позабыл, что перед ним человек. Джил кричала. Джил бесилась. Джил не хотела стать подобной ему, но брошенные Артуром семена всё-таки проросли. Именно Клейн научил её изворачиваться, подгонять любую теорию под эксперимент, предавать, унижать, покупать и дорого продавать информацию... Чёрт! Да она олимпийская чемпионка по прыжкам через законы! И вот, он здесь.

– Что-то не вижу белых голубей, – наконец произнесла она.

– Птичий грипп бушует, – откликнулся Клейн, пока откровенным взглядом ласкал стройные женские ножки. Старый сукин сын.

– Итак, чем могу помочь? – Она скрестила на груди руки и откинулась на спинку кресла, о чём мгновенно пожалела, когда позвоночник чуть не переломился. Господи! Не кресло, а пыточная.

– Думаю, ты знаешь, что мои люди готовят проект закона. Хотим ограничить работу нефтяников...

– Безнадёжно, как и семь лет назад, когда мы с вами спорили об этом в коридорах Конгресса, – отрезала Джил и машинально потёрла ладонь. Сегодня та ныла удивительно противно. Вдохнув, Джиллиан продолжила: – Ничего не изменилось. Республиканцы впустую кричат со своих мест и стараются удержать акции на приемлемом уровне, а нужные вам демократы трусят, шипят и плюются ядом, который заведомо сседили с «зелёных». Вы зашли в тупик, Артур. Стоит вам только заикнуться об этом законе, как нефтяные гиганты начнут четвертовать вас ещё на лестнице у Капитолия.

– Нам нужен этот закон. Он гарантирует увеличение нагрузок на атомные станции, что приведёт к новым заказам на их строительство и выгоде моего клиента.

Клейн впился в глаза Джиллиан высушивающим взглядом, и его надменное лицо приобрело ещё более недоступное выражение, пробудив калейдоскоп не самых приятных воспоминаний. Именно так Артур смотрел в том коридоре, когда она отказалась трахаться бог знает с

кем ради очередного закона. И, похоже, ничего не изменилось. Клейн всё такой же: начищенный, наглаженный и совершенно невыносимый.

Джил отвернулась, проигнорировав партию в устрашающие гляделки. Скучно. Девочка давно выросла.

– При чём здесь я?

– Нам нужно частное лицо, которое наладит контакты с демократами, а ты дружна со многими.

И тут Джил искренне рассмеялась.

– Мистер Клейн, я прекрасно понимаю, как вы радуетесь за интересы клиентов. Но я лоббист, а не гейша. Уговаривать через постель конгрессменов изменить партии, дело высокообразованных шлюх, а не моё.

Игла достигла цели.

– О’Конноли, – тихо окликнул Алекс, призывая к порядку и уважению.

– Без вариантов, мистер Клейн, – она покачала головой. – Демократы ни за что не согласятся даже в частном порядке обсуждать этот законопроект. Им ни к чему такие проблемы. Через два года президентские выборы.

– Ты протащила через них закон о радиационных отходах.

– Об отходах, а не атомных станциях. – Джил снисходительно улыбнулась. – Почему я?

Клейн на секунду скривился, прежде чем развёл руками и заговорил:

– После акций, когда несколько «зелёных» решили на двое суток распять себя при въезде в Ядерный Институт, мои отношения с демократической партией... немного испортились. Они боятся за рейтинги и будут голосовать назло, какими бы здравыми идеями мы их ни пичкали, – раздражённо откликнулся Артур, однако, заметив насмешливый взгляд, сдался. – Я выучил тебя, Джил О’Конноли, с аудиторной скамьи пестовал каждую извилину в твоём мозгу. Дал всё, что знаю. Да, между нами было много некрасивого, но ты не можешь отрицать, что обязана мне. И поэтому я надеюсь на ответную услугу. Ты единственный компетентный человек, которому у меня есть хоть какие-то основания доверять.

Артур замолчал, а Джиллиан стиснула подлокотники и медленно выдохнула. Надо же... Семь лет! Семь чёртовых лет, чтобы открыть свой лягушачий рот и проквакать признание. Неужели так сильно укусили за задницу? Забавно. Интересно, сколько уже попыток предпринял старик, прежде чем с хрустом сломал позвоночник гордыне и пришёл сюда. К ней.

Инстинктивно облизнув в предвкушении добычи губы, Джиллиан самодовольно протянула:

– И вы хотите...

– Я хочу нанять тебя, как частное лицо. Неофициально.

– Bay!

Она даже выпрямилась от подобного откровенного заявления. Рука невольно потянулась к карману жакета и вынула на свет баночку из-под лекарств. Обычную. Тёмно-коричневого цвета с белой безликой крышкой. В таких по всей стране миллионами продавались достижения фармацевтики от витаминов до жизненно важных таблеток. Тем не менее взгляд Клейна метнулся к чуть дрожащим рукам, но быстро вернулся и наткнулся на саркастично искривлённые губы. *«Смотри, мразь. Это сделал со мной тоже ты...»*

– Что скажешь, Джил? – подал голос Джордж.

– Скажу, что прямо сейчас мы в очередной раз пробили дно нашей морали и даже не пытаемся скрыть это за высокими целями. Bravo! – Джиллиан манерно хлопнула в ладоши и снова лениво откинулась на спинку кресла, крутя в пальцах упаковку с таблетками. – Но интуиция подсказывает мне, что даже вы, Артур, не стали бы так рисковать. У вас есть среди демократов достойная кандидатура для рокировки? Кто-то достаточно умный. Кто-то, способный обеспечить сенатское большинство.

Надменно улыбнувшись, Алекс протянул бумаги, которых оказалось немного. Поверх них лежала протокольная фотография, где на фоне устало повисшего американского флага был изображён неулыбчивый темноволосый мужчина лет сорока. Джил непроизвольно стиснула жалобно скрипнувший пластик и вгляделась в слишком длинное по классическим меркам лицо. О господи... Она отчаянно не хотела его узнавать, но видела знакомый ворох чёрных гладких волос, громоздкий нос и слишком широкий рот, спокойный взгляд и черты предков индейцев. Кто он? Пеория? А может быть, тамароа?⁶

Джил чуть склонила голову вправо и всмотрелась в глаза, что своим медным цветом резко выделялись на фоне смуглой кожи и делового костюма. Нет, ей очень не хотелось вспоминать. Отчаянно, страшно... Она наверняка обозналась. Однако на ум пришло привычное слово – Иллинойс.

– Тебе о чём-нибудь говорит имя Бенджамина Рида? – спросил Джордж. Он успел усесться за свой стол и теперь медленно раскачивался в кресле. И как только спину до сих пор не сломал?

Однако в голове Джиллиан словно щёлкнули молоточки и со звоном винтажных часов выудили из памяти нужную папку с досье. За столько лет черты в голове должны были смазаться, но... но так и не потускнели. Вот же дерьмо!

– Бывший хирург, в последние годы – инвестор, – проговорила она, словно зачитывала неведомый документ. Взгляд её, казалось, был спокоен, однако внутри истошно вопила память. Нет! Нет-нет-нет! – Быстро и умело делает деньги на стартапах, каким-то неведомым чутьём выбирая только те, что окупаются в десятки раз за минимально возможное время. Безжалостно избавляется от всего, что не оправдало надежд или мешается под ногами. Молчун. Мизантроп. Холост.

– Уже нет, – вклинился Алекс.

– Надо же. – Джиллиан действительно удивилась и задумчиво проговорила, кажется, даже не понимая, что озвучивала вслух собственные давнишние мысли. – Роботы и то будут поразговорчивее. Ни аккаунтов в социальных сетях, ни личного сайта, что, впрочем, никогда не мешало его популярности. Шесть лет назад выиграл гонку за кресло губернатора Иллинойса, обойдя...

– Твоего Лероя, – её снова перебили. Что же... она вполне могла обойтись без напоминаний. О своём поражении ведьма О'Конноли до сих пор не забыла.

– Вы знакомы? – Клейн заинтересованно взглянул на неё, однако Джил не заметила.

Словно зачарованная, она смотрела на давнего противника и недоумевала, почему с Ридом не справилось даже время. Шесть лет в попытках вытравить его из памяти... Странно, она до сих пор помнила голос: низкий, с неожиданно мягкими гласными, негромкий. Идеальный политик, который вовсе... Не политик, не болтун, не человек. Феномен, да.

– Поверхностно. – Джил нашла в себе силы и покачала головой. – Мистер Рид мало с кем общался и предпочитал игнорировать любого, кроме личного помощника. Станный, но интересный. Играть против него оказалось занятно. Он словно то поддавался, то резко ставил меня на место...

Она замолчала и едва заметно улыбнулась, пока пальцы привычно вертели в руках фотографию.

– Рид не сильно изменился. – Артур откашлялся. – Этот твой робот-мизантроп заделался тёмной лошадкой и вежливо пилит сук под задницей главы Демократической партии. Умело. Целенаправленно.

– В чём же ваш интерес? – Брови Джил вопросительно взлетели вверх.

---

⁶ Пеория и тамароа – племена, что жили на территории современного штата Иллинойс.

– В противовес всем Рид поддерживает политику «зелёной энергетики», – неожиданно ответил Джордж и задумчиво огладил курчавую бородку. – Он рачительный губернатор и крайне заинтересован в развитии атомных станций, совершенно справедливо прогнозируя для своего штата большую выгоду от их эксплуатации. Рид прекрасно знает, что Иллинойс не только родина Линкольна, но и первого реактора.

– Калькулятор вместо головы, – пробормотала Джиллиан, но её услышали.

– Точно, – откликнулся Алекс. – Мистеру Клейну удалось раздобыть доклад Рида, который тот делал на очередном закрытом собрании партии. Ребята настроены решительно, но у него поразительная власть над их умами.

Она быстро отыскала нужный документ и вчиталась в сухие цифры статистики, неожиданно узнавая скупые речевые обороты. Те всплывали в голове отзвуками гудевшего микрофона и эхом аплодисментов. Наверное, останься у неё хоть какие-нибудь человеческие эмоции, то Джил бы поностальгировала. А может, и нет. Она уже давно не знала, способен ли её разум на чувства.

– Его поддерживают многие, но пока боятся идти против партии. – Клейн устало потёр морщинистый лоб. – Но ясно, что наша задача упростилась бы в несколько раз...

– Попади в Конгресс, – припечатала Джил.

– Верно. До очередных выборов год, однако я предложил ему способ... ускорить этот процесс. Он отказался.

Клейн прервался, услышав едкое хмыканье бывшей студентки. О, она прекрасно знала, каким бесчеловечным может быть Артур. С другой стороны, честность Рида граничила с патологией, так что представление обещало быть презабавным.

– И вы хотите... – Джил пошевелила тонкими пальцами, прося высказать очевидную мысль вслух.

– Убеди его сыграть за нас. – Артур сжал кулаки и бросил быстрый взгляд в окно, видимо, в поисках источника вдохновения или сил. – Уболтай, угрожай, подкупи. Сделай что угодно, пообещай поддержку, гарантируй пожертвования в избирательный фонд, сирым детям или каким-нибудь инвалидам, оплати любой каприз, отдых или запредельных шлюх, если потребуется. Джиллиан, найми ему лучшего политтехнолога, но он должен любым способом выиграть в этом году место в Сенате. А потом, когда Рид сядет в Конгресс, заставь принять наш закон...

Джил размышляла ровно десять секунд, которые наверняка показались старику вечностью. Следовало признать, это впечатляло. Какой размах, какой напор! Артур всегда был прекрасным актёром, но теперь превзошёл сам себя. Она машинально повертела фотографию, словно не хотела с ней расставаться. А было бы неплохо! Потому что Джиллиан не следовало соглашаться на авантюру. Стоило хорошенько подумать, обсудить с Джимом, разобраться в себе, но... У неё была тысяча объективных причин, почему следовало отказаться. В конце концов, не от этого ли она бежала столько лет? Но пока разум кричал «нет», упрямое тело ответило...

– Принято.

4

Наши дни Вашингтон, округ Колумбия

Октябрь

21 день до президентских выборов

В кабинете вице-президента уже вовсю расправляли сети сумерки. Они собирались группами по углам, точно хотели провести заседание за скорейшее наступление ночи, прятались под тяжёлой мебелью, штурмовали последние пятна красного закатного солнца и отстреливались длинными тенями. А ещё нависали вместе с громоздкой хрустальной люстрой, оставшейся от прежнего владельца, да так и не поменянной. Все они, невидимые и активно взбирающиеся по преградам массивного стола, давили на Джил. Шептали свою правду, разглашали только им одним ведомые тайны, выбалтывали, подначивали, но неизменно несли в себе всю грязь, что успели подцепить в коридорах и комнатах этого дома. Сколько всего здесь произошло? Сколько было принято верных, а сколько неверных решений?

Джиллиан провела ладонью по гладкой рабочей поверхности, где не нашлось ни единой пылинки, и прижалась щекой к тёплому дереву. Тяжесть мыслей тянула к земле, а несвойственная апатия полностью завладела телом. Мышцы шеи свело, но желания шевелиться не было. Джил сидела, съёжившись на краешке большого кресла и положив голову на стол. Глаза невидяще смотрели в стену, словно хотели найти в нейтральных светло-серых полосах хотя бы парочку срочных ответов. Но бездушные каменюки молчали и тупо пялились в пустоту, пока Джил лежала, дышала и думала.

Здесь пахло Беном. Изюм в день выдерживая атаки чистящих средств и полироли, всё неуловимо носило его отпечаток. Даже от новой пепельницы почему-то веяло сигаретами. Это успокаивало. Да, не так хорошо, как получалось у самого хозяина кабинета, но хоть как-то. Крохи глупой иллюзии, что через мгновение или два по коридору разнесётся эхо шагов, послышится голос, который немедленно заставит Джил подскочить. Она и сама не знала, почему всегда суежилась. Сначала спешила с какими-то планами, хронометражами речей и сценариями интервью, позже – с текущими делами, проектами, грандиозными схемами. И всегда, во все времена, в любом из своих положений немедленно налетала на короткое, немного ненавистное и одновременно слишком любимое: «Сядь». Только одно слово, реже два. Невидимая дверь, открыв которую они переходили в исключительно конструктивные отношения. Но увы, как бы Джиллиан ни хотела услышать даже это, Бенджамин Рид находился слишком далеко. Да и что она могла ему сказать?

Джил вытянула руку и не глядя коснулась холодного стекла пепельницы. Может, закурить? От нелепости мысли она фыркнула вслух. Бред какой-то... Это привычка Бена – думать, не отрывая глаз от медленно тлеющего огонька. У неё же никогда не хватало на подобное времени: быстрые действия требовали моментальных решений. Мартышка... Но теперь часов в

сутках, по её меркам, оказалось слишком много, отчего в неготовой к такому голове рождались ненужные мысли.

Элвин прав. Через подобное проходили если не все, то большинство. Терпели или не терпели измены, но в итоге поджимали губы и гордо входили за мужьями в Конгресс или Белый Дом. Потому что именно они, а не абстрактные шлюхи из гостиниц, будут стоять рядом и на шаг позади. Именно они окажут поддержку там, где заканчиваются владения госсекретарей, аналитиков, личных помощников и начинается порог спальни. Именно они по десятому разу выслушивают речи, в последний момент поправляют галстук или бабочку, сжимают в знак поддержки руку. Пеклись ли жёны этих людей о собственном будущем? Как сказать... ведь каждая из них знала, что вопрос семейного счастья и успеха – счастье и успех их сенатора, конгрессмена или президента. Они могли любить или не любить, но неизменно несли то бремя, что возложили на себя сами.

Джиллиан знала всё это, а потому понимала, что Бен обязан сесть в чёртов Овальный Кабинет. Ну а с последствиями она разберётся потом. Тогда уже будет не страшно. Можно не бояться угроз, заплатив свободой за шанс немного изменить этот мир. К тому же Эми... Терапия показывала хорошие результаты, но им нужно время и спокойствие. Хотя бы на три недели до выборов, потому что, если они победят, Эмили придётся непросто – протокол будет жесток.

Тихий длинный вздох прошуршал по комнате и потерялся в тяжёлых шторах. Джиллиан прикрыла глаза, но тут же распахнула их вновь, когда услышала скрежет двери. В проёме показалась светловолосая голова Баррета.

– Начинаем.

***

В предвыборные дни дебаты всегда занимали отдельное место. Три этапа и более пяти часов споров ради того, чтобы тонко унижить противника и возвысить себя в глазах публики. Острые вопросы и осторожные ответы, все возможные лингвистические переливы и паутина психологических манипуляций. Те, кто дошёл до финала, в точности знали, как воздействовать на умы и настроения слушающих. Огромный спектакль, которого ждала вся страна; новый тур бесплатного развлечения. Репортёры, аналитики, политологи... Здесь собирался весь цвет Капитолийского Холма, который безостановочно гудел в эфир и делал ставки, точно на тотализаторе. Впрочем, отличий действительно было мало.

Заставка «NBC News» уныло гремела фанфарами. На экране яркой панорамой светился Нью-Йорк, пока в нижнем углу транслировалось прибытие кандидатов на самый высокий пост. Приглашённые эксперты тараторили заученные речи о важности выборов, будущем и результатах двух прошлых встреч. Ну а Джиллиан не могла оторвать взгляда от мужа. Бен легко выбрался из высокого тонированного внедорожника, не оставив и складочки на любимом тёмно-синем костюме, и с едва заметной улыбкой прошествовал мимо заработавших камерами репортёров. Он с привычной хирургической точностью препарировал окружение взглядом. Спокойный, уверенный, едва ли вообще обеспокоенный тем, что ему предстояли сложнейшие полтора часа в жизни.

Картинка сменилась, и на экране возник Джонатан Сандерс. Это был неожиданный кандидат. Внезапно долетевшее эхо из прошлого. За шесть лет республиканец не изменился и всё ещё чем-то напоминал облысевшего мопса – маленький, неуклюжий, с непонятными звуками. Он сверкал бесконечной острой улыбкой и одаривал поклонников весёлыми взмахами пухлой руки.

Тем временем его жена, в одиночестве прошествовав на свою половину «игрового поля», уселась в отведённое кресло. Миссис Сандерс, разумеется, заметила пустое место в первом

ряду, немного растерянно огляделась по сторонам, а затем растянула своё полное лицо в высокомерной жабьей улыбке. И Джиллиан на секунду прикрыла глаза. Она знала, что сегодня её место вовсе не за тысячу миль от Нью-Йорка, в гостиной их официального дома. Не у экрана телевизора, а в зале. Это она должна была олицетворять поддержку семьи и напряжённо смотреть из первого ряда. Это она, а не кандидат Бена на его же пост вице-президента, с холодной усмешкой пожала бы руку вычурной и дородной Сьюзен Сандерс. Это она в последний момент словила бы быстрый поцелуй, а не... Это всё она. И хоть на пять минут Эми.

Но Джил решила, что дочь не справится. Не выдержит напряжения, незнакомых лиц, громких звуков. И Бен согласился. Вложив столько сил, чтобы впервые за четыре года заметить долгожданный прогресс, они оказались не готовы послать к чертям все труды. У Эми появились шансы на нормальную жизнь, и сейчас ей, как никогда, нужна была мать. Каждую минуту, в любой момент. А значит, Джиллиан обязана быть именно здесь.

Она медленно выдохнула, и в этот момент в гостиную на втором этаже, где преданными болельщиками собралась оставшаяся в Вашингтоне команда, неожиданно вошла Эмили Ван Берг. И развалившиеся на всех горизонтальных поверхностях, громко смеющиеся десять человек штаба вице-президента немедленно с шумом вскочили. На пол полетели корзины с попкорном, где-то упал стакан и что-то со звоном закатилось под шкаф, но через мгновение стало тихо. Короткий всплеск активности закончился почтительным молчанием. Первую леди страны положено приветствовать стоя.

Джиллиан поднялась навстречу и без слов обменялась короткими объятиями с неожиданной гостьей. И пока все остальные судорожно приводили гостиную в относительно приличный вид, негромко произнесла:

– Я не ждала вас, миссис Ван Берг.

Глаза сами метнулись в сторону экрана, где под шквал аплодисментов на сцену вышли кандидаты. Они обменялись положенным рукопожатием и теперь терпеливо позировали перед репортёрами.

– Подумала, что сегодня вам понадобится вся поддержка, которую может дать страна. – Первая леди тоже не отрывала острого взгляда от телевизора и тактично не обращала внимания на хрустевший под ногами попкорн. – Прогноз политической погоды обещал нам парочку ураганов.

Джиллиан вернулась обратно на край дивана. Рядом элегантно опустилась Ван Берг. Она сняла с идеально уложенных седых волос шляпку, которую бережно положила на заваленный мусором и обрывками упаковки журнальный столик. Тактичность во всём...

– Мне следовало поехать, – пробормотала Джил.

– Не думаю. Первая леди страны – не просто политическая фигура, Джиллиан. Это собирательный образ всех проголосовавших за президента женщин, жён и матерей. И выбрав сегодня семью, вы показали народу, что подобно вашему мужу не собираетесь швырять всё на кон политических распрей. Вы стоите выше мелочных склок за кусок поролона на колёсиках. И люди это ценят.

– Откуда им догадываться о причинах? Мы не касаемся нашей проблемы на публике. Почти никто не знает диагноз. Мы посчитали это ненужным и несвоевременным.

– Совершенно верно. Но подчас именно такое молчание значит больше целой кампании. То, как вы успешно преодолеваете личные трудности и не делаете из этого шоу, даёт право думать, что с не меньшим успехом вы решите вряд ли более сложные задачи страны. – Миссис Ван Берг улыбнулась и взглянула в телевизор, где Сандерс заканчивал ответ на первый вопрос. – Кстати, я принесла Эми леденцы.

– Чувствую, через пару лет мы разоримся на стоматологах.

– Ах, паникёрство вам не к лицу.

Они замолчали и погрузились в быстро накалившуюся атмосферу на экране.

Сквозь стекло экрана и мили расстояний Джиллиан посмотрела в глаза Бена и вдруг поняла, что нет такой вещи, которая изменила бы в её сердце хоть что-то. Боже, даже если у него там дорожка из постоянных любовниц – плевать. Сейчас она ничего не могла сделать, до сих пор влюблённая в Бена, что был спокоен даже в пекле полемики. В Бена, который никогда не опускался до обвинений и открыто встречал каждый вопрос. В Бена, который был готов увести за собой каждого... А ещё в трепетного мужчину, чьи рассыпавшиеся по подушке лакричные волосы она могла перебирать часами. В трогательного отца, который находил в своём графике минутку между заседаниями-перелётами-встречами, чтобы провести её с Эми. В мужа, который был готов дни напролёт заниматься с дочерью, если бы не авралы... Джиллиан замерла, а потом внезапно задержала дыхание, озарённая догадкой. Так может, в этом дело?

«Бен... Ты устал от нас? Мы попросили от тебя слишком много?»

– Намедни я ознакомился с вашей программой, господин вице-президент, – в уши ворвался манерный голос ведущего. – Меня заинтересовала ваша позиция насчёт медицины. Должен сказать, такой взгляд сильно отличается даже от привычных демократических постулатов. Не озвучите его нам? Вам даётся две минуты на ответ.

– Разумеется. – Бен едва заметно улыбнулся. – Многие знают, что я бывший врач и несколько лет оперировал в чикагском университете. Я много обсуждал недостатки текущей системы со своими коллегами и пациентами, вёл переговоры со страховыми компаниями. И потому, полагаю, моё решение будет удобно всем...

– Я читал этот бред! – неожиданно перебил Сандерс, проигнорировав предупреждение ведущего. В гостиной послышались первые гневные возгласы – это было законное время Бена. – Вы с президентом Ван Бьергом любите строить утопические идеи!

– Уверены? Или пришли сюда не полемизировать, а строить конспирологические теории? – низкий голос Бена прозвучал неожиданно умиротворяюще. – Из вас вышел бы хороший писатель, но плохой президент.

Ведущий попытался снова что-то сказать, но теперь его проигнорировали уже оба участника.

– Почему?

– Потому что ты имбецилен! – проворчал кто-то рядом с Джил. Послышались сдавленные смешки, а леди Ван Берг тактично проигнорировала дурные манеры «молодёжи».

– Действительно, почему, – вторя невидимой поддержке, рассмеялся Рид. – Наверное, потому что вам больше нравится подпитывать избирателей слухами и скандалами, вместо решения проблем...

– Господа, время. Нам необходимо двигаться дальше... Давайте закончим со здравоохранением, – попытался дозваться до спорщиков ведущий, но какое там.

– А вы решаете? Вы хотите только выгоды для страховых компаний!

– Я не хочу оставить без поддержки детей, стариков и малообеспеченные семьи. Именно тех, чьи интересы – наша ответственность. Бюджет страны – вещь занимательная, если уделить ему немного внимания.

И вот тут Джиллиан насторожилась. Ей очень не нравилось, куда катилась дискуссия. Слишком много наигранности и фальшивого гнева. Сандерс будто искал повод подловить оппонента, чтобы использовать припасённую карту. И следующая реплика подтвердила её опасения.

– Ньеужели, господин вице-президент? Полагаю, у вас есть личные причины для беспокойства. – Джонатан холодно улыбнулся, а в зале повисла тревожная пауза. И в этой почти полной тишине голос Бена не дрогнул.

– Что вы имеете в виду, сенатор?

Сквозь взявшую крупный план камеру Джил видела, как потемнели карие глаза мужа, как дёрнулось в попытке прищуриться и тут же расслабилось нижнее веко.

– Не надо, Сандерс, не делай этого с нами... – неожиданно для самой себя прошептала она.

Джил не знала, что её беспокоило. Ею двигало выдрессированное годами чутьё, из-за которого она не видела ничего, кроме застывшего взгляда Бена. А он тоже почувствовал и словно за тысячу миль уловил дрогнувшее в страхе сердце жены. Никто из них не мог такого предположить, однако с каждой секундой становилось понятнее, что сегодня – неожиданно и непредсказуемо – начали возвращаться брошенные шесть лет назад бумеранги. Один за другим они летели к замершей Джил, чтобы прицельно ударить туда, где зияли огромные раны вины.

За какие-то мгновения струна прошлого безжалостно натянулась, и в переполненной гостиной послышался её предостерегающий звон, а потом... А потом она лопнула.

– Ваша дочь психически не здорова, – неожиданно чётко проговорил Джонатан, и по залу пробежал вздох. – Она представляет угрозу.

Молчание Бена длилось одно мгновение, прежде чем он медленно поднял бровь и с расстановкой проговорил:

– А при чём здесь моя дочь?

Джиллиан показалось, что она ослепла, нырнула под воду и задохнулась. Мир замер словно перед цунами, но вот резко выпрямился Элвин и медленно подняла голову Эмили Ван Берг. Сжал в руках остатки попкорна всё тот же Макс, и каждый из присутствующих опасно наклонился вперёд, будто готовился немедленно броситься на защиту семьи своего кандидата... А Джил хотелось сжаться. Убежать и исчезнуть из этой жизни прямо сейчас. Однако она продолжала сидеть с идеально ровной спиной и безучастным лицом.

«Будь ты проклят!»

– В нашей стране легализованы аборты, но порой, видимо, случаются осяечки, – непринуждённо отозвался Сандерс и улыбнулся, пока зал ошеломлённо замер. Это было неприкрытое оскорбление, за которое можно легко поплатиться не только карьерой, но и свободой. Однако ублюдок казался удивительно спокойным, а значит, его ставки были намного выше. – Например, я прямо сейчас стою и беседую с потенциальным носителем психопатий. А он собирается стать нашим президентом! Неужели Америка действительно этого хочет? Хочет президента-психопата?

Удар вышел подлым, мерзким, совершенно недостойным того высокого уровня политических игр, куда они все каким-то образом забрались. Джил почти до боли сжала челюсть и отчаянно боролась с желанием перепрыгнуть мили и города, чтобы с особой жестокостью выцарапать глаза улыбчивой твари.

– Мистер Сандерс, вы забываетесь! – взвыл с экрана ведущий, который, наконец, нашёл в себе силы и облёк в слова искреннее негодование. А обещавший хранить тишину зал взорвался криками, требуя то ли линчевания, то ли немедленного медицинского заключения. – Вы нарушили правила и получаете предупреждение...

– Заткните рот этому придурку! – не выдержал Макс, на которого немедленно зашикали.

– Не надо, – раздался негромкий, но удивительным образом перекрывший царившее безумие голос.

Бен поднял руку и молча попросил у страны тишины. Он подождал, дав толпе успокоиться, а затем посмотрел прямо в камеру. И Джил почувствовала этот взгляд – чудовищный в своей решительности, предназначенный только ей одной. Казалось, ни расстояние, ни бездушность цифровой техники не смогли убить попытку Бена докричаться и... Попросить прощения? Господи, о чём он вообще? Это же не его вина, что всё так обернулось. Они не предполагали! Не думали, что... Или нет? Что если Бен знал, как ударит противник, и именно поэтому не выглядел ни шокированным, ни возмущённым. Догадывался и ничего не сказал, потому что прекрасно понимал – Джиллиан потребует всё отрицать. Опровергнуть обвинения, тогда как вопреки всем договорённостям муж готовился сделать наоборот.

– Я отвечу своему оппоненту, как того предписывает регламент наших дебатов, – произнёс Бен, а Джиллиан взглянула на удивительно мирно сидевшую рядом Эмили Ван Берг. Значит, Бен действительно знал...

– Две минуты ваши, вице-президент Рид, – обречённо согласился ведущий.

– Благодарю. Не думаю, что использую их все, – кивнул Бен и едва заметно улыбнулся, когда чей-то залихватский свист поддержки взвился под унизанный софитами потолок. – Я всего лишь хотел сказать, что согласно Конституции и Биллю о правах... Согласно этическому и профессиональному кодексу. Согласно любой морали, моя семья имеет право на частную жизнь. Что равно как и любой гражданин, моя дочь имеет право на медицинскую тайну, а я имею право подать на вас в суд, сенатор. Но сейчас не время и не место для подобных разборок. Вы выразили сомнение в моей адекватности, моей способности управлять страной. Мне оно понятно, как понятно и то, что у каждого из нас есть шанс столкнуться с такими же трудностями, какие преодолевает моя семья. Глупо скрывать то, что однажды стало бы известно всем, но мы всего лишь хотели оградить дочь от излишнего внимания. Но раз сенатор Сандерс настаивает...

– Вы вправе не отвечать на личные вопросы, – вклинился ведущий, но Бен вежливо отмахнулся.

– Мы в том поле, где стирается личное и общественное, – усмехнулся он. – Так что... Да, моя дочь отличается от других детей. Да, у неё много проблем, но она хорошо отвечает на терапию. Да, у неё есть все шансы стать полноценным членом общества, в чём заслуга моей жены, которая сейчас находится с нашим ребёнком и не смогла сегодня присутствовать. И да, я горжусь своей семьёй. Но скажите мне, Джонатан, почему за ваши опасения должны отвечать они, а не я? У вас было четыре года, чтобы оценить меня, моё поведение и, как я вижу, подкупить врачей.

Гул голосов на секунду прервал Бена, но одна лишь поднятая рука снова вернула в эфир уважительную тишину и почтительное молчание.

– Так давайте же будем исходить из реальных фактов, касающихся взрослых людей. Ваши заявления оскорбительны и беспочвенны, потому что есть ряд вещей, которые просто случаются. В данном случае они произошли с моими близкими. Вы хотите поколебать уверенность людей в моей персоне через ребёнка? Это недостойно, но я не стану отвечать на вашу провокацию и что-то доказывать. Лишь скажу одну вещь... – Бен на мгновение прикрыл глаза, но тут же вернул взгляд в огромный немигающий глаз направленной на него камеры. – Иногда мы побеждаем, иногда проигрываем, наши слова оборачиваются за или против нас, но в конце всегда остаются действия. Их видит вся страна. И смею надеяться, мои дела говорят о моём психическом здоровье громче, чем любые сфабрикованные обвинения.

Бен замолчал и чуть отступил от трибуны под безумные, ошалевшие в своей ярости аплодисменты, но взгляд не отвёл. Сквозь расстояние и время он спокойно смотрел на жену. И только Джил видела, как лихорадочно бьётся на его виске пульс, выдавая скрытое от всех, кроме неё, напряжение. Как чуть побледнели плотно сжатые в небрежную линию губы. Бену тоже было непросто. Тоже тяжело. Тоже больно. Она знала, будь его воля, из аскетичного зала давно унесли бы едва живого Сандерса. Но Бен всегда был выше подобных склок.

Кадр переключился на ведущего, который, пользуясь молчанием кандидатов, решил задать третий вопрос. Что-то о военных кампаниях или, может, опять об оружии. Но Джиллиан этого не заметила. Прямо сейчас она лихорадочно пыталась просчитать дальнейшие действия. Так и не вырвавшиеся наружу эмоции были заперты, задвинуты другими мыслями и утоплены на дне рационального. И в гостиной, где восковыми фигурами замер предвыборный штаб, оказалось так же тихо, как в её душе.

***

Весь следующий час собравшаяся в гостиной компания молча смотрела дебаты. Говорить было не о чем. Первые часы после эфира покажут, как восприняла новость страна. И Джиллиан отчаянно хотела верить, что Бен не ошибся в своей откровенности. Ну а пока она ждала конца, чтобы по горячим следам придумать стратегию.

– Полагаю, на этом всё, – ровно произнесла Джил, когда кандидаты покинули сцену.

В голове сидело желание тоже убраться подальше от встревоженных глаз. Исчезнуть, испариться, перестать существовать и никогда... никогда не встречаться на пути Бенджамина Рида! Сама того не ведая, она снова его подвела. Меньше всего Джиллиан хотела разочаровывать мужа, но с каким-то удивительным невезением продолжала поступать именно так.

– Мы не оставим это, – сквозь зубы процедил Элвин, который был явно растерян.

Мысль, что она не единственная оставшаяся за бортом информации, показалась Джил удивительно обнадеживающей.

– Почему мистер Рид согласился на эти дебаты? Сандерс псих! Он извратит любую здравую мысль до абсурда. Рейтинги вице-президента без того высоки... – неожиданно воскликнул Макс и запустил руку в короткие, слипшиеся от обилия геля волосы.

Остановившаяся около погасшего экрана Джиллиан машинально постучала ногтями по пластиковому корпусу и бросила взгляд на спичрайтера, который раздосадованно собирал полупустые стаканчики с попкорном. Забавно, но из этого слишком миловидного юноши вышла бы неплохая модель каких-нибудь томных мужских журналов или модных домов. Эдакий тёмный ангел напoмаженного порока. Но Макс отчего-то предпочёл стать гением словесных экзерсисов, обожал паниковать по любому поводу и умудрялся укладываться в самые невероятные сроки и темы.

– Сейчас важно не это, – неожиданно раздался безмятежный голос миссис Ван Берг. Поднявшись следом за Джил, Эмили подхватила два последних ведра и спокойно сунула их в руки покрасневшего Макса. – Думаю, вам всем нужно проветриться, прежде чем принимать решения.

Первая леди подплыла к нависшему над камином зеркалу и ловко пристроила шляпку на положенное той место.

– Не проводите меня, Джиллиан? – небрежно спросила она и неторопливо направилась к двери. Следом полетел нестройный хор вежливого прощания.

Миссис Ван Берг не нуждалась в провожатых и прекрасно знала каждый гвоздь этого дома. Но намёк прозвучал, а потому Джил не посмела проигнорировать просьбу столько следвавшей для них с Беном женщины. Эмили вообще никогда ничего не делала понапрасну, значит, и в этот раз нашлись причины.

– Это было грубо, – неожиданно проговорила Ван Берг.

Уверенно держась за перила, она встала на верхнюю из ступеней, и эхо голосов ухнуло вниз. Столь поздно даже этот дом казался пустым. Где-то сухо тикали напольные часы.

– Непростительно. – Джиллиан шагнула следом.

– Жест отчаяния.

– Либо попытка подорвать наши позиции, потому что Сандерс вёл к этой теме осознанно. Ситуация становится непредска...

– Бесполезно, – едко хмыкнула миссис Ван Берг, перебивая. – Джиллиан, вы опытный политик, хотя никогда не занимали ни одного государственного поста. Предполагаю, никто из прошлых хозяек этого дома не имел такого прошлого, как у вас. А потому взгляните с другой стороны. Вам неумышленно дали самую действенную фигуру в борьбе за кресло для вашего мужа. Я не умоляю способностей милого Бена! Видит бог, мой супруг прекрасно знал, с кем

шёл на выборы, и никому другому он просто не смог бы доверить страну. Но сейчас именно в ваших руках эмоции граждан. Смотреть на свары забавно, однако народ хочет увидеть что-то, кроме бездушной правительственной машины. Так дайте им это!

– Давить на жалость? – фыркнула Джил и покачала головой. – Нелепо... Бен зря подтвердил опасения Сандерса. Возможно, лучше было бы вообще ничего не отвечать на столь примитивную провокацию. Но у него не оставалось других вариантов, гадёныш бил умело. Это моя вина. Я не предусмотрела. Господи, даже подумать не могла, что кто-то заинтересуется Эми. А вот Бен смог.

– Глупо жалеть о пролитом молоке, – совершенно невоспитанно закатила глаза миссис Ван Берг и покрепче взялась за полированное дерево перил.

– Она слишком мала, чтобы подводить её под удар прессы, – немного резче положенного огрызнулась Джил, но немедленно замолчала, стоило первой леди мягко коснуться напряжённой руки.

– Зачем им Эми, если у малышки есть вы, – сказала она и ласково посмотрела на раздражённо поджавшую мягкие губы молодую женщину.

Они успели спуститься к главному входу и теперь стояли внизу тёмной лестницы. Сумрачный холл освещали лишь несколько настенных ламп, пока ножки расставленных по периметру кресел стеснительно прятались в собственной тени. Пустой интерьер. Весь этот дом – иллюзия удобства и гостеприимства. Какая же глупость! В месте, где владельцы менялись чаще, чем картинки на марках, не могло быть уюта.

– Люди захотят знать правду. Они уже знают. Отношение общества к таким детям всегда слишком сложное, – едва слышно проговорила Джиллиан. Она мучительно пыталась скрыть сквозившую в словах горечь, но вряд ли смогла обмануть миссис Ван Берг. Та знала её слишком давно.

– Вы лоббист, Джиллиан, – так же тихо ответила Эмили. – И привыкли играть в Го сразу за двух игроков, включая в стратегию не только аргументы и сухую статистику, но и совершенно непросчитываемое влияние своей харизмы. Поверьте, смелые рыжие женщины неизменно привлекают внимание толпы, но сжечь их или вознести на трон решает один-единственный мужчина. Ваш уже решил. И следующий свой ход он отдал вам.

Решил... Джил непроизвольно обняла себя за плечи, словно пыталась одновременно укрыться и от холодного сквозняка, и от проблем.

– Не уверена...

– Вы слишком глубоко спрятались в свою раковину, милая. Бен ждал шесть лет и теперь уверен, что его жена справится. – Ван Берг ободряюще улыбнулась. – Леденцы.

Перед глазами неожиданно возник обычный бумажный пакет, а уже в следующее мгновение первая леди покинула дом.

Постояв ещё немного около входа и окончательно продрогнув, Джил задумчиво подбросила свёрток. Спряталась в раковину? Ах, если бы было так просто. Прошли те времена, когда страна знала её под другой фамилией и едва ли не другим человеком. Когда не мучили сомнения, когда она рисковала чужими жизнями и меняла их, точно фишки. Однако теперь всё иначе, и Джиллиан Рид ни за что не хотела возвращаться к прошлому, которое настойчиво ломилось в наглухо закрытые окна и двери.

Но длинно выдохнув, она посмотрела на равнодушный портрет Вашингтона, а потом стремительно избежала по лестнице и лицом к лицу столкнулась с хмурым Барретом.

– Я сделаю всё, что захочет ублюдок с фотографиями, – тихо проговорила она и схватила секретаря за руку. – Всё что угодно, лишь бы Сандерс не сел в президентское кресло. Бен ни о чём не узнает. Не смей ему говорить, намекать и даже думать о сделке в его присутствии не смей! Я делаю это не столько для него, сколько для Эми. И мне плевать, кого придётся обмануть, купить или убить.

– Слишком опасно, – так же негромко и быстро проговорил Баррет, а потом оглянулся через плечо. – Если они в курсе про Эми, то за вами следят.

– Шпионы? – Джиллиан хищно улыбнулась, чувствуя в душе смрадную панику. Три недели! Им надо продержаться три недели... – Прекрасно.

– Миссис Рид?

Она взглянула на Элвина, который недоумённо приподнял брови и явно ждал каких-нибудь пояснений. И тогда Джиллиан грустно усмехнулась.

– Договорись о встрече.

– Вы когда-нибудь... расскажете своему супругу про... – Баррет неожиданно замялся, а Джил на секунду прикрыла глаза.

– Про снимки? – прямо спросила она и после кивка договорила. – Да. Как только его задница коснётся президентского кресла. Вот тогда мы поговорим. Ни секундой раньше.

5

6 лет назад Вашингтон, округ Колумбия

Январь – Февраль

Через несколько дней зима, наконец, вспомнила зачем нужна и впопыхах высыпала на головы жителям весь припасённый за два месяца снег. Его оказалось так много, что жизнь замерла даже в Конгрессе. Те, кто в эти дни всё-таки добирался до офисов, предпочитали пить чай и обсуждать причуды погоды, вместо опостылевших политических новостей. Казалось, город заглох в этом вакууме. Вымерли даже постоянные пробки. Река Потомак уснула под льдинами, передав улетевшим прочь уткам пожелания скорейшего возвращения. На пустых улицах воцарилось уныние – в Вашингтон пришёл снег.

Дорог не было. Нет, теоретически они находились там, где их проложили первые градостроители, но погода внесла коррективы. Снегоуборочные машины, сами припорошённые до состояния невидимок, не справлялись с объёмом растущих сугробов. И глядя в окно, Джиллиан хмурилась, пытаясь найти в серой хмари хоть какие-нибудь проблески к улучшению. Но тех не было. Вашингтон задышался, обессиленно переползал от снегопада к метели и пытался за пару часов безосадочной жизни залатать брешь.

Аэропорты работали с ужасающими перебоями и предпочитали отправлять пассажиров короткими маршрутами ко всем чертям, а не открывать для них небесные трассы. Поэтому где-то вдалеке от столицы застрял и Джеймс. Он собирался лететь домой то ли из Флориды, то ли Нью-Джерси, то ли бог знает откуда, но не успел и с каждым днём становился всё злее. Не сказать, что Джиллиан волновалась, однако последний разговор с мужем вышел откровенно хреновым.

Впервые на её памяти Джим повысил голос, когда доказывал супруге, что соглашаться на проект длиною в двенадцать месяцев – безумие, неуважение и эгоизм. А при промелькнувшем слове «Иллинойс» его губы скривились так сильно, что Джиллиан невольно съёжилась. Это случилось неделю назад, сразу после памятной встречи с Клейном. Их спор продолжался все выходные, пока не достиг апогея перед самым отъездом Джеймса.

– Ты обещал мне последний проект, – проговорила Джил и стиснула в руках вилку.

Они оба делали вид, что всё хорошо. Что прямо сейчас у них обычный ужин, а не попытка склеить из разномастных осколков нечто похожее на картинку мечты. Однако, как бы они ни пытались, повсюду ощущалась неправильность. Разбросанные за шесть лет обломки почему-то не складывались, хотя раньше вроде бы подходили друг другу.

– Не нарушай своё слово, Джим.

– Я выполняю всё, о чём говорю. – Муж ткнул в её сторону пальцем. – Всё. В отличие от тебя.

– Так давай не будем портить статистику, – хохотнула Джил, но осеклась.

– Чью? Твою? Предполагалось, это будет делом двух месяцев! А ты опять собираешься пропадать непонятно где и бог знает сколько. Но ради чего, Джиллиан? Тебе настолько плевать?

– Нет, но...

– Что «но»?

Джеймс не выдержал и швырнул вилку на стол, отчего кусочки еды разлетелись по прозрачной поверхности. Джил передёрнуло. Джеймс же резко поднялся и направился вглубь столовой. Повисла недобрая пауза, за которую у Джил так и не нашлось смелости обернуться, прежде чем Джим холодно произнёс:

– Что «но», Джиллиан? Давай, договаривай.

– Хватит мною манипулировать, – спокойно сказала она, а в следующий момент вздрогнула, когда ощутила на щеке чужое дыхание.

– Тебе не нравится? – вкрадчиво спросил Джеймс, и на плечи опустились тяжёлые ладони. Они надавили едва ощутимо, но впервые за десять лет брака, впервые за всю свою жизнь Джил стало страшно. Она испугалась мужа. – А каково мне? М-м-м, воробушек? Не молчи, давай расскажи, каково это.

– Я не...

– Нет? – Руки надавили сильнее. – Полагаю, что да. Ты врёшь мне, милая. Врёшь отчаянно и давно. Ты развесила на стенах нашего дома столько лжи, что того и гляди запутаешься в ней сама. Я не слепой и вовсе не идиот, моя дорогая жена... Я чувствую, но пока не могу понять – где. Где тот момент, с которого начался обман. Любовник? Нет... слишком банально для тебя. Твоя стихия – дерзкие выпады и кардинальные решения. «*Aut Caesar, aut nihil*»⁷ было написано с обратной стороны входа в твой проклятый кампус. И, чёрт возьми, это всего лишь тупая фраза на латыни, которую ты с чего-то решила сделать девизом своей жизни! Но я не один из твоих идиотов в продавленных креслах Конгресса. Моё терпение велико, но не безгранично. Пришло время найти правду. И в тот момент, когда это произойдёт – берегись. Берегись, потому что пощады тебе просить будет нечем.

– Ты угрожаешь мне? – как можно спокойнее проговорила Джиллиан, но так и не осмелилась посмотреть на Джеймса.

– Информировать. – Он склонился ещё ниже, приласкал большим пальцем левой руки бывшую на её щеку и с сарказмом протянул: – Или мне стоит подать официальную петицию? Только скажи...

– Я не понимаю, чего ты хочешь.

Джил чувствовала необходимость сказать хоть что-то, однако в следующий момент Джеймс с силой оттолкнул её от себя, и рёбра больно врезались в твёрдый край стола.

– Ну, разумеется! Десять лет уже не понимаешь и, похоже, даже никогда не хотела понять, – воскликнул он и со всей силы врезал кулаком по жалобно зазвеневшей столешнице, затем на мгновение замер, поджал усыпанные веснушками бледные губы и вдруг двинулся прочь из комнаты.

– Если что-то не устраивает, ты всегда можешь позвонить нашему адвокату, – не выдержав, зло крикнула вслед Джиллиан и потёрла ушибленный бок. А Джеймс резко остановился, когда услышал эту опасную, глупую браваду.

– Боишься? – Он оглянулся, чуть прищурился и растянул рот в жёсткой ухмылке. Его всегда столь аккуратно уложенные волосы растрепались, словно отражали весь хаос царивших внутри эмоций. – Бойся, Джиллиан. И знаешь почему... Нет? Сказать? Потому что ты так и не опровергла ни единого моего слова!

---

⁷ Всё или ничего (лат.).

В тот вечер Джим ушёл на несколько часов. Джил не знала, где он был и что делал. Сидела под дверью, поехал к друзьям, на работу, слонялся по городу... Она оказалась даже не в силах предположить. Просто сидела за накрытым столом и смотрела на движение стрелки по белому циферблату бесшумных часов. Джиллиан честно пыталась найти в себе хоть какие-то проблески сожаления или стыда, но не могла. Ни одной капли эмоций, чтобы упасть на колени и до стёртых в кровь губ молить Джеймса о прощении. На плечах будто ещё ощущалась тяжесть рук, что давила к земле, не позволяя выпрямить спину. Но время шло, и когда тело напомнило о себе подкрадывающейся ломотой, Джил поднялась и шатко одолела двадцать три шага до ванной. А там... привычные капсулы, прохладный пол и мир, что принудительно вернулся в свою колею.

Только глубоко за полночь раздался тихий щелчок замка и тяжёлые шаги мужа. Где-то внутри вновь зашевелился страх, но вот под весом Джеймса прогнулся матрас, а комнату наполнил аромат крепкого алкоголя. Больше ничего. Джим не попытался ни обнять, как случилось раньше, ни с чувством удовлетворения огладить изгиб бедра, зарывшись носом в разметававшиеся по подушке волосы. Нет. Они лежали по разные стороны супружеской кровати и были удивительно далеко друг от друга в ограниченном пространстве их спальни.

На следующий день Джим уехал. Он ничего не сказал, не попрощался, даже не предупредил, как долго его не будет. Сквозь шум льющейся в ванной воды Джиллиан уловила звук захлопнувшейся двери, а потом дом погрузился в молчание.

И вот теперь Джил тонула в бесконечном болоте ожидания. Она не представляла, что будет, когда Джеймс вернётся. Действительно ли он что-то знал или только подозревал? Джиллиан вертела на безымянном пальце голубой бриллиант и гладкий обод второго кольца, а сама мечтала сорвать оба прочь, выкинуть и малодушно сбежать от затягивавших в своё жерло проблем. Трусиха. Господи, она всегда была такой трусихой!

Однако какими бы ни были её проблемы, работа оставалась работой. А потому в переизбытке синтетической энергии Джил кружила по комнате, орала по видеосвязи на ни в чём не повинных коллег и медленно сходила с ума от бездействия. Вот уже третий день она с нарастающим раздражением слушала непрерывный бубнёж одной половины команды и щелчки телевизионного пульта другой. А время шло. Пока Вашингтон пытался пережевать снег железными челюстями грейдеров и с трудом проглотить огромные комья сугробов, мир неумолимо бежал вперёд. Ей давно следовало слетать в Иллинойс, вспомнить ненавистные улочки Спрингфилда и попытаться найти тропинку к самому скрытному орешку у демократов. Следовало навестить в Чикаго общих знакомых, быть может, потрепать немного Лероя или парочку словоохотливых журналюг. В общем, дел было много, однако Джил оказалась прикована к засыпанной снегом столице. Она не могла даже дозвониться до Рида – указанный в папке номер самозабвенно молчал.

Оторвавшись от очередного бесцельного созерцания окна, Джиллиан с силой шарахнула по стене, поморщилась от боли в ладони и схватила телефон – в чат отправилось короткое сообщение. К чёрту. Клейн не будет утешаться её отговорками.

«Через час в офисе. Мне нужны все»

***

Мало кто знал, но команда лоббиста – это тот самый ключ, которым можно было открыть любую дверь. Именно от этих нескольких человек зависела правдивость и точность полученных сведений, на которых строился фундамент софистики, а потом и грандиозные планы. И собранная за эти годы команда не была исключением. Джил искала их повсюду. Тащила с университетской скамьи, выдирала зубами у менее ловких, перекупала, вербовала, обучала, криковала. Ещё не остыла бумага на копии её рабочего договора с агентством, как она бросилась

на поиски тех самых людей. Тех, кого за пять лет взрастила в самых умных чудовищ. Джиллиан не прощала ошибок, не входила в положение и не обращала внимания на данные прозвища, однако до пены у рта защищала, когда кто-то из них оступался. Да, её не любили. Но игра, которую вела Джил, грела их эго и оттачивала до совершенства инстинкты. В конце концов, каждый из них тайно мечтал попасть в большую политику. Однако с началом проклятого снегопада даже этих пираний настигла апатия.

Офис был ожидаемо пуст. Кинув в первое попавшееся кресло влажное от снега пальто, Джиллиан прошла в переговорную, где с нездоровым наслаждением принялась оттирать руки антибактериальными салфетками. В столичном метро было слишком много людей и слишком много чужих бактерий, чтобы Джил могла спокойно это перенести. Её подташнивало всю дорогу.

Включив кофемашину, она села в неудобное кресло, что стояло во главе длинного стола, и заученным до автоматизма движением вытащила из кармана невзрачную пластиковую упаковку тёмно-коричневого цвета. Этикетка с неё была давно и самым тщательным образом содрана. Ловко подцепив коротким ногтем пластиковую крышку, Джиллиан вытряхнула на ладонь две капсулы и одним движением отправила в рот концентрированный яд. Всё-таки запивать стимулятор стимулятором весьма извращённый способ свести счёты с жизнью. Или психикой... Интересно, как давно у неё зависимость? Впрочем, какая разница, покуда заводная кукла внутри Джил не бьётся в психозах и не ловит галлюцинации.

В этот момент в переговорную ввалился толстый Майк. Его жидкие светлые волосы блестя от снега и некрасиво облепляли круглую, точно тыковка, голову. Очки в старомодной золотистой оправе едва не падали с кончика вспотевшего носа. А сам он пыхтел и повсюду разбрызгивал талую воду.

– Пять минут, – произнесла Джиллиан и демонстративно посмотрела на изящные наручные часики. – Тебе повезло, что ещё никто не пришёл.

– И что бы ты тогда сделала? – задыхаясь спросил Майк, а потом с протяжным вздохом растёкся бесформенной кучей на слишком маленьком для него стуле. Он вытер испарину, поправил один из своих отвратительных галстуков жизнеутверждающего оранжевого цвета и глянул на Джил исподлобья.

– Уволила.

– О'Конноли, это уж слишком. Видела какой снегопад? Тем более, с кем ты тогда останешься, если избавишься от всех нас?

– Это уже будет не твоя забота. Я, сладкий, могу делать всё, что считаю нужным. И как только ваши опоздания начнут влиять на качество выполняемой мною работы, вы отправитесь в утиль. – Она приподняла руку, наблюдая, как медленно заскользило по матовой коже золотое плетение браслета часов. А потом перевела взгляд на Майкла. – Можно не успеть на поезд, можно пропустить самолёт или даже прозевать оплату счетов. Но в политике каждая задержка равносильна проигрышу, потому что кто-то придёт вовремя, а может, даже и раньше тебя. Надеюсь, это понятно?

– Более чем, – последовал сухой ответ.

– Тогда, полагаю, тебе пришло время похудеть. В нашей работе бегать надо быстро, а лишний вес может быть только у голосов в Конгрессе.

Повисло напряжённое молчание. А потом Джиллиан услышала тихий шёпот.

– Сука...

– К твоим услугам.

Джиллиан отвернулась, однако тут дверь вновь открылась, и остальные члены команды весёлой и шумной гурьбой ввалились в ярко освещённую комнату. В воздухе закружились ароматы талого снега, горячего кофе и шумных ветров подземки, пока они, смеясь и переговариваясь, толпились около входа. Однако веселье немедленно стихло, стоило им наткнуться

на чёрные провалы слишком больших зрачков. В яркой комнате те смотрелись чудовищно неестественно и словно вбирали в себя витавшую вокруг радость. Джил холодно улыбнулась.

– Мы с вами, как в школе, – процедила она, водя пальцем по чуть кривящимся губам. – Может быть, мне вам весёлые стикеры клеить вместо зарплаты?

– Нас задержали, – откликнулась Энн Кроули и немного нервно сдёрнула усыпанный каплями шарф, но замерла, когда на стол с грохотом приземлилась пухлая папка.

– Истощающе.

– Нас. Задержали, – настойчиво процедила Энн и медленно выдохнула.

Джил прищурилась и внимательно посмотрела на Кроули. Маленькая, немного неуклюжая, с раскосыми глазами и вечно по-мальчишески обутая в тяжёлые ботинки – она стала самым юным и самым дорогим приобретением. Джиллиан заметила её совершенно случайно, во время одной из пресс-конференций государственного секретаря Грегори Ван Берга, и решила любой ценой заполучить себе эту дерзкую на язык студентку. Девчонка сопротивлялась долго. Однако полгода хитроумных интриг и разговоров один на один сделали своё дело. Всегда делали. И как-то так вышло, что со временем Энн стала ближайшим помощником и с пугающим хладнокровием выполняла любую работу. Поговаривали, Джиллиан делает из неё своё подобие. Однако только они знали, что Кроули была совсем другой и просто удерживала суку О'Конноли в рамках адекватных границ.

– Так что же это было? Треснувшая земная твердь, огромный огненный монстр или пафосно потрясающий палкой старик в сером плаще?

– Почти, – хмыкнула Кроули. – Только в бежевом, а не сером.

– Что? – рассеянно отозвалась Джил, которая просматривала протянутую Майклом папку. Неожиданно она скривилась и швырнула её на стол. – Это никуда не годится, мой милый пончик.

– Почему?

– Если хочешь получить настоящее мнение общественности, подними свой жирный зад и выйди на улицы. Большинство людей с форумов – кретины, которые могут рассуждать лишь о качестве порно...

Она прервалась и с тихим шипением вцепилась в резко сведённую судорогой ладонь, а со стороны двери вдруг раздался надменный голос.

– Ах, всё язвишь, дорогая. Терпение, милая, однажды он тоже это поймёт.

Джиллиан на секунду замерла, прежде чем медленно откинулась на спинку неудобного кресла и с неприкрытым раздражением посмотрела в сторону входа в переговорную. Ну а там, прислонившись к одному из толстых матовых стёкол, стоял Клейн. Он аккуратно складывал длинный шёлковый шарф своими высушенными из-за стимуляторов руками, а его золотистое пальто искрилось растаявшим снегом. Ах, вот и причина задержки.

– Не помню, чтобы вы состояли в моей команде, Артур, – холодно протянула Джиллиан. Она заметила маячившего в коридоре Джорджа, значит, и Алекс здесь. Аншлаг ради рядового рабочего процесса, пусть и внепланового?

– Я твой заказчик, – Клейн демонстративно пожал плечами. – Имею право.

Джил презрительно посмотрела на бывшего наставника. Господи, как же она ненавидела Клейна, и это было взаимно!

– Тогда, прошу, сядьте и не перебивайте меня. Пожалуйста, – наконец произнесла она и вернулась к разбросанным бумагам. – Джонас...

Темноволосый парень встрепенулся и слишком сильно толкнул бумажный стаканчик с кофе. Тот пошатнулся, горячий напиток расплескался прямо на стол, а Джиллиан передёрнуло. Откашлявшись и не отрывая взгляда от тёмного пятна, Джоуннопулус забубнил:

– Из всех ргионльных снаторв наш закно...

– Чётче, Джонас. Нас пришли послушать, так прояви уважение к присутствующим. – Джил вздохнула, закрыла глаза и с силой сжала правую руку в кулак, надеясь избавиться от дёргавшей ладонь противной боли.

– Из ста сенаторов необходимый нам законопроект открыто одобрили только десять. Поверхностный опрос показывает, что рассчитывать на поддержку не приходится. Многие согласны изменить точку зрения, но боятся провалить переизбрание.

– Довольно непопулярное предложение. Не правда ли, мистер Клейн? – всё так же, не поднимая век, процедила Джиллиан. Присутствие бывшего учителя раздражало, действовало на обострённые стимулятором нервы и вызывало желание что-то разбить. Но вместо этого она лишь медленно разжала вцепившиеся в подлокотник пальцы.

– Однако ты знаешь, как это изменить. Ведь так, Джил?

Она поморщилась. Конечно, знала. Они обсуждали это две недели назад. Конгрессмен – закон – восхитительная запись в её резюме. Казалось бы, просто... Но Джиллиан слишком хорошо знала о вредности Рида, а потому предпочитала иметь запасной план.

– Мы подключим «Экселон»⁸. Они крупнейший игрок. А их солнечная и гидроэлектростанции дадут нам очки у людей с веганской позицией. Кролики там... зайчики...

– Хочешь подружиться с «зелёными»? – Клейн был полон сарказма.

– Я не собираюсь с ними дружить. Просто встану рядом и подниму плакат: *«Мои дети хотят дышать чистым воздухом!»*

– У тебя нет детей, – фыркнул в ответ старый ублюдок. Послышались шаги, шелест одежды и скрип отодвигаемого кресла.

– А у них они есть? Вы проверяли? – Джиллиан приоткрыла один глаз и насмешливо уставилась на развеселившегося наставника. – Всем плевать на такие нюансы. Хотите прижать нефтяников?

– Да.

– Тогда будьте готовы, что я и голышом продефилирую на градирне, если это поможет. А это обязательно поможет. – Джил вскинула бровь. Ей очень не нравилось то чувство настояренности, что появилось с приходом Артура.

– Не сомневаюсь, – Клейн рассмеялся. – Однако, что даст тебе «Экселон»? Договориться с ними я мог бы и сам.

– Да, но в голом виде вы будете смотреться весьма удручающе, чем вряд ли обеспечите поддержку от главного ядерного гиганта. Их штаб в Иллинойсе, там же, где Рид, а потому...

– Верно. Они там же, где Рид, – насмешливо перебил Клейн. Ну а Джил на мгновение замерла, прежде чем резко открыла глаза.

– На что вы намекаете, Артур? – Её тоном можно было придушить парочку крупных лоббистских змей, однако Клейн лишь улыбнулся. – Говорите уже. Вряд ли вас так интересовала рутина работы, что вы преодолели трёхфутовые сугробы.

– Ты едешь в Иллинойс, – пришёл ответ. – «Экселон»... Рид... Видишь, всё складывается удачно.

– Что?!

Повисло молчание. Такое, что было слышно, как шумели в отдалении лифты. Только разогнанное стимуляторами сердце безумно заколотилось, да тонкие пальцы вцепились ногтями в обивку на подлокотниках кресла. Джил подняла взбешённый взгляд, но Клейн его не заметил. Или сделал вид, потому что самозабвенно черкал каракули на отчёте Майкла. Наконец Джиллиан выдохнула:

– Нет.

---

⁸ Американская энергетическая компания, чья штаб-квартира расположена в Чикаго, штат Иллинойс. Большинство её атомных станций находятся именно в этом штате.

– На два слова, О’Конноли, – тут же бросил стоявший в дверях Джордж и направился в сторону кабинета.

Закусив в раздражении нижнюю губу, Джиллиан медленно поднялась и с удивительной ясностью ощутила под каблуками жёсткий ворс офисного покрытия. Тот сопротивлялся и пружинил, точно она сама, но без толку. Джил знала, что скажет Уилсон, какие аргументы будет использовать. Осталось только понять, как долго удастся сопротивляться, потому что согласиться на эти требования равносильно карьерному самоубийству и собственноручно подписанным документам на развод. Она посмотрела в затянутый стандартными бело-крапчатыми плитами потолок, словно в иррациональном ожидании знака свыше. Хоть чего-нибудь, что подскажет решение. Но вместо этого наткнулась на тревожно и нервно мигающую в глубине коридора лампу. И как это понимать?

Тёмные жалюзи скрывали мутный свет вашингтонского полдня, и в кабинете партнёров царил полумрак. Оправдывая не числившиеся среди талантов Джиллиан пророческие способности, Алекс действительно оказался в офисе и расположился на прямоугольном диване, листая в планшете последние газетные сводки. Он не обратил никакого внимания на вошедших, когда Джордж спокойно прошествовал к своему столу, уселся на краешек и воззрился на Джил.

– Сейчас ты спокойно меня выслушаешь и примешь единственно верное решение, – сухо произнёс Уилсон.

– Верное для кого? – хмыкнула она, но послушно прислонилась к стене и сцепила за спиной руки.

– Вчера Клейн ещё раз связался с Иллинойсом. Понятия не имею, что ублюдок пообещал, но Рид согласился вступить в игру. В твоё утешение скажу, что даже я такого не ожидал. Но нам всё равно нужно обсудить изменения в твоём договоре.

– Не делай этого, Джордж, – она покачала головой.

– Ты знаешь, что я скажу.

– Знаю, – откликнулась Джил. – И потому говорю – нет.

– Почему?

– Я не для того все эти годы прыгала через голову, чтобы вновь откатиться в предвыборный маркетинг, – фыркнула она. – Вы же этого хотите? Так вот! Я не стану вести кампанию Рида.

– Он согласен идти в Конгресс раньше срока, нам всем это на руку... – попытался охладить её пыл сидевший на диване Алекс.

– Ты работала в том штате, знаешь электорат... – это уже Уилсон.

– Ах, так мне теперь постоянно подстраиваться под чью-то блажь? Знаете, мне плевать! Я лоббист, а не секретарша по вызову, и не собираюсь...

– Это приказ Клейна, – равнодушно бросил Джордж. – Либо ты едешь, либо он уходит.

Джиллиан прикрыла глаза и отрицательно покачала головой, не в состоянии поверить, что всё случилось так быстро и непредсказуемо. Решение принято. Это было видно по их позам, по тому, какие бросали взгляды, когда Джиллиан скрестила на груди руки и стукнулась затылком о гипсокартон однотонных стен. Упустить ценного и дорогого клиента лишь потому, что гордячка решила встать в позу? Чёрт... Кем ты себя возомнила, Джиллиан? Тебя ценят и уважают, но не настолько, чтобы золотая пешка забыла своё изначальное место. Интересно, сколько им пообещал Клейн?

– Ты ведь не хочешь упускать возможность насолить старику, О’Конноли, – снова подал голос Алекс. – Я знаю тебя. Вижу насквозь твою мелочную, мстительную натуру. Можешь строить из себя, что душе угодно, но знай – нет Клейна, нет проекта и тебя в нашей компании тоже нет.

– Это угроза? – Джил поджала губы.

– Нет, О’Конноли. Всего лишь напоминание, что с двумя крупнейшими игроками в противниках делать в индивидуальном лобби нечего. Мы тебя растопчем.

Вежливая улыбка наискозь перекроила бледное лицо Алекса. Он пробежался по коротким светлым волосам и вернулся к чтению новостей, будто ничего не случилось. Впрочем, так оно и было. Для них. А потому, не говоря больше ни слова, она вышла из кабинета и едва удержала себя от хлопанья дверью. Обойдутся.

Переговорная встретила мгновенно смолкнувшими разговорами и равнодушной спиной Клейна. Наставник меланхолично скользил кончиками пальцев по застарелому шраму, и Джил не удивилась бы, окажись тот автографом вот такой же загнанной в угол женщины.

– Рад снова тебя видеть, – тем временем протянул невинным голосом Клейн, и Джиллиан захотелось его придушить.

– Сомневаюсь, – процедила она и демонстративно спокойно опустила в кресло, закидывая обутые в чёрные шпильки ноги на стол. Пусть полюбуется.

– Ты будешь вести его кампанию? – Энн, как всегда, уже обо всём догадалась. – Seriously? Но это же абсурд!

Неожиданно раздался хлопок брошенной на стол папки. Синей. Восхитительно демократичной. И Джил вдруг отчётливо поняла, что задолго до истечения десяти месяцев возненавидит этот цвет.

– Здесь вся информация. То, что есть на данный момент, – холодно проговорил Клейн. – Ознакомьтесь. Найдёте что-то ещё – получите купон на бесплатный кофе.

Повисло короткое молчание, прежде чем Эмма потёрла лоб и заговорила, глядя в экран своего ноутбука:

– На самом деле, информации мало. Рид скрытен. Правда, вот его жена... – Неожиданно Эмма прервалась и несерьёзно хихикнула, но стоило Джил поднять недоумённый взгляд, быстро развернула к ней ноутбук. – Сама посмотри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.